

ИЗБРАННЫЕ ПРОПОВЕДИ

Августин Блаженный

Перевод с латинского протоиерея Дмитрия Садовского, 1913

Публикуется по изданию: Проповеди блаженного Августина. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1913.

Составление Голодецкого Л.А.

Содержание

О любви к Богу и о любви к миру

О презрении к миру

О страхе Божиим

О любви и о слепце прозревшем

О страхе Божиим

О любви

О пользе покаяния

О пользе покаяния

Похвала миру

О мире и любви

О единении между братьями и любви между ближними

О любви к Богу и о любви к миру

1. Два рода любви существуют в этом мире, которые постоянно между собою враждуют: любовь к миру и любовь к Богу. Которая из них победит, та и влечет любящего как бы своей тяжестью. Потому что не на крыльях или не на ногах, но чувством приближаемся мы к Богу. Равным образом не телесными путями или узами, но противоположными тем чувствами привязываемся мы к земле. И Христос приходит для того, чтобы изменить твои привязанности и, вместо любви к земному, возбудить в тебе любовь к жизни небесной. Сделался по причине нас Человеком Тот, Кто создал человека; Бог принимает образ человека, чтобы обожествить человека. Здесь, на земле, предстоит нам борьба, борьба с плотью, борьба с диаволом, борьба с миром. Но станем надеяться, что Тот, Кто установил эту борьбу, не оставит нас без Своей помощи; Он увещевает нас не кичиться своими силами. Кто надеется на свои силы, надеется на силы человеческие. Но «проклят человек, который надеется на человека» (Иер 17:5). Пылая пламенем этой чистой святой любви, мученики силою духа сжигали сено плоти. Невредимые духом восходили они к Тому, от Кого были вдохновлены. Полная же слава получена будет ими вместе с самою презренною ими плотью в воскресение мертвых. Потому и сеется в унижении, чтобы восстать во славе (1Кор 15:43).

2. Возбужденным этой любовью или, скорее, для того, чтобы возбудить, Господь говорит следующее: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня и кто не берет креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня» (Мф 10:37-38). Не уничтожает Он любви к родителям, жене и детям, но упорядочивает ее. Не сказал: «кто любит», но: «кто любит более Меня». Это есть то же, что и Церковь говорит в книге «Песнь Песней»: «и знамя его надо мною любовь» (Песн 2:4). Люби отца своего, но не более Господа. Люби родителя, но не более Создателя. Отец хотя и родил, но не сам образовал тебя. Потому что, кто и каков ты будешь, – не знал он, когда ты рождался. Отец воспитал тебя, но не он произвел хлеб для тебя, голодающего. В конце концов, кое-что оставив для тебя на земле, отец твой уходит, чтобы ты последовал ему, и смертью своею освобождает место для твоей жизни. Отец же – твой Бог все, что ни сохраняет для тебя, сохраняет вместе с Собой, как что ты получаешь наследство вместе с отцом и не ждешь в ожидании наследства, когда владелец уйдет, но соединяешься с Тем, Кто всегда пребывает, ты, имеющий также всегда, пребывает. Люби отца, но и более Бога твоего. Люби мать твою, но не более Церкви, которая родила тебя для жизни вечной. Из самой любви к родителям заключи, наконец, как нужно любить Бога и Церковь. Если так должно любить тех, которые родили тебя для того, чтобы ты умер, то как же следует любить тех, кои родили тебя для вечности, чтобы ты всегда пребывал. Люби жену твою, люби детей твоих во имя Бога, научая их чтить вместе с тобою и Бога с Коим, когда соединишься ты, не будешь бояться никакого разделения. Поэтому не следует любить детей своих более Бога, и худо любил бы ты их, если бы не позаботился привести к Богу вместе с собою. Придет и для тебя, быть может, час мученичества. Ты захочешь исповедывать Христа. Исповедав, получишь, может быть временную смерть. Но вот отец, жена или сын соблазняют тебя, чтобы ты избег страданий, но прельщениями своими производят они то, что ты действительно умираешь. Тогда лишь исполняешь слова Христовы: – «кто любит отца или мать, жену или детей более, нежели Меня, тот не достоин Меня», – когда такие прельщения не действуют на тебя.

3. Однако на прельщения от своих все же склоняется иногда плотское чувство, и некоторым образом поддается им наша впечатлительность. Но исправь неровности тленной одежды и опояшся добродетелью. Терзает ли тебя любовь плотская? – Возьми крест свой и следуй за Господом. Ведь, и Сам Спаситель твой, хотя и Бог во плоти, хотя и Бог вместе с плотью, однако же показал немощь человеческую, когда говорил: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф 26:39). Знал Он, что не минует Его эта чаша. Для

испытания ее и пришел Он по воле Своей, а не по принуждению должен был выпить эту чашу. Был Он всемогущ и, если бы желал, мог бы миновать ее, потому что Он – Бог со Отцом, и потому что – Он и Отец – один Бог. Но будучи в образе раба, в том именно, что воспринял от тебя и за тебя, Он издал голос плоти. Тебя в Себе благоволил Он изобразить, так что и в Нем находишь ты немощь, чтобы научиться терпению. Показал Он желание, коим можешь и ты искушаться, и в то же время научил, какую волю и какому желанию ты должен отдавать предпочтение. «Отче Мой, говорит Он, если возможно, да минует Меня чаша сия». Это – воля человеческая; «человека показываю», как бы говорит Господь, в форме раба говорю: «Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия». Это та воля, о которой и Петру сказано: «а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь» (Ин 21:18). Но тем ли мученики побеждали, когда воле плотской предпочитали волю духовную? Любили они эту жизнь и заключали отсюда, как нужно любить ту вечную жизнь, если так любится эта проходящая. Имеющий умереть не хочет умирать, и все-таки неизбежно умрет, хотя постоянно отгоняет мысль о смерти. Ничего не доделаешь, хотя и не хочешь умереть, ничего не можешь предпринять, потому что нет у тебя никакой возможности избежать смерти. Против твоего желания придет то, чего ты боишься. Случится то, что ты избегаешь. Много трудишься ты, чтобы отсрочить смерть. Но неужели хочешь совсем избежать ее? Итак, если привязанные к этой жизни так много заботятся о том, чтобы только отсрочить смерть, то как много следует заботиться о том, чтобы избежать смерти? Вот, не хочется умереть тебе?! Измени свои привязанности и увидишь, что есть смерть, не та, которая будет, хочешь ты или не хочешь ее, но та, которой избежать от твоей воли зависит.

4. Итак, наблюдай, есть ли в сердце твоём и какая любовь, блестит ли искра из пепла плоти, крепко ли сердце твое настолько, чтобы не только не падать под тяжестью искушения, но еще более гореть любовью, наблюдай, не тлеешь ли ты, как пакля, которая гаснет от легкого дуновения, или горишь, как твердое дерево, как уголь, от дуновения сильнее разгорающийся. Пойми, что есть две смерти: одна временная, – это смерть первая, а другая вечная – это смерть вторая. Первая смерть определена для всех, а вторая только для злых, нечестивых, неверующих, ругателей и всех противящихся здравому учению. Смотри же, помни об этих двух родах смерти. Может быть, обеих их хотел бы избежать ты. Знаю, что любишь жизнь и не хочешь умереть, и из этой жизни так хотел бы перейти ты в другую жизнь, лучшую, чтобы живым измениться к лучшему, а не воскресать, предварительно умерши. Этого хотел бы ты. Так настроено чувство человеческое. Таковы, как бы, воля и вожеления самой души нашей. Любя жизнь, она ненавидит смерть, любит тело свое и не желает, чтобы с ним произошло то, что она ненавидит. «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти» (Еф 5:29). На это свойство апостол указывает и в другом месте, когда говорит «мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище... потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью». Не хочешь ты совлечься, но хочешь быть облеченным. Но о том следует заботиться, чтобы, совлекшись, вследствие смерти, плотской одежды, ты оказался облеченным в броню веры, на что указывая, апостол говорит «только бы нам и одетым не оказаться нагими» (2Кор 5:3). Первая смерть совлечет с тебя плоть, которая истлеет и в свое время опять восстанет. Хочешь – не хочешь, будет это, так как не потому ты воскреснешь, что хочешь этого, а если не хочешь или не веришь тому, то и не воскреснешь. Старайся лучше о том, чтобы по воскресении иметь то, что хочешь иметь. Ведь, Сам Господь Иисус Христос сказал: «наступает время, в которое все, находящиеся во гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут»,- без различия и добрые, и злые, – все находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, – и изыдут, изринуты будут из бездны. Никакая тварь не в состоянии будет удержать мертвых, когда раздастся голос Творца. «Все, говорит Господь, находящиеся в гробах, услышат глас Его и изыдут». Сказав «все», Он как бы произвел слияние или смешение. Но слушай дальше о разделении. «Изыдут, – говорит, –

творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин 5:28-29). Это осуждение, для которого воскреснут нечестивые, и есть вторая смерть. Зачем, христианин, боишься ты этой первой смерти? Придет она непременно к тебе, против воли твоей придет. Вот, хочешь освободиться ты от варваров, чтобы не быть убитым. Хочешь избавиться от сильного, не щадишь имущества твоего, заставляешь терпеть лишения детей твоих и, избавившись, на другой день умираешь. Должно более стараться тебе о том, чтобы избавиться от власти диавола, который влечет тебя вместе с собою ко второй смерти, когда нечестивые, стоящие по левую сторону, услышат «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф 25:41). Об избавлении от этой второй смерти и следует позаботиться тебе. Может быть, скажешь: «Как?» Не имуществом, конечно, не деньгами; будь лишь справедлив, если хочешь избежать второй смерти. Деньги может отнять у тебя враг твой и потом уведет тебя в плен. И ты не будешь иметь, чем выкупить себя, так как всем имуществом твоим владеть будет тот, кто будет владеть и тобой. Справедливости же не потеряешь ты, если не захочешь. Во внутренней сокровищнице сердца твоего обитает она. Ее старайся иметь, ею старайся овладеть, чтобы потом избавиться от второй смерти. Если ты не захочешь этой второй смерти, ее не будет, так как будет у тебя, если захочешь, средство, коим можешь избавиться от нее. Правду же получает воля наша от Бога и пьет ее, как бы, из своего источника. Всякий беспрепятственно приближается к этому источнику, если достойно приближается. Обрати внимание и на помощь, которая подается тебе. От неприятеля спасает тебя серебро твое. От первой смерти избавляешься ты иногда именем твоим. От второй смерти избавляет тебя кровь Господа твоего. Имел Он кровь и для того принял кровь, чтобы пролить для спасения нашего. Кровь Господа твоего за тебя проливается, если хочешь, и не за тебя, если ты не хочешь этого. Может быть, скажешь ты: имел кровь Господь мой, чтобы избавить меня. Но когда страдал, Он всю ее отдал. Что осталось еще у Него, чтобы Он мог дать еще и за меня? Но однажды проливши кровь, Он пролил ее за всех. Кровь Христа – спасение для следующих за Ним и наказание для отвергающихся от Него. Будешь ли сомневаться еще ты, боящийся смерти, что лучше избавиться от второй смерти? А от нее избавляешься тогда, если берешь крест твой и следуешь за Господом, потому что Он подъял Свой крест и взыскал раба Своего.

5. И не убеждают ли вас, братья мои, в том, что нужно любить жизнь вечную, те, которые так привязаны к настоящей временной жизни? Сколь многое делают люди для того только, чтобы жить эти немногие дни? Кто может исчислить труда и усилия всех, желающих жить и вскоре потом умирающих? Сколь многое делают люди даже из-за немногих дней? А что делаем мы для жизни вечной? Что сказать, если вспомнишь, что делается из-за этих немногих дней на земле? Может быть, ныне живущий завтра умрет?! И вот, из-за неизвестного, ради немногих дней неизвестных, – что делают люди, что измышляют? И если вследствие болезни тела, впадают они в руки врача, если ожидается спасение от знающих и опытных лиц, если находится врач, могущий утешить отчаявшегося, – чего только не обещают ему и сколь многое отдают вперед, хотя бы ничего еще не было известно! Чтобы только немного пожить, отдают средства, на которые живут. Или когда кто впадет в руки неприятеля и разбойника, если это будет отец, то сыновья, желая защитить и избавить его, спешат к нему на помощь и отдают то, что оставил бы он им, думая спасти его, чтобы схоронить затем. Сколько домогательств, сколько просьб, сколько усилий употребляют они – кто может исчислить все это? Но я хочу сказать нечто более ужасное и даже невероятное, если бы оно не случилось. Для чего говорить, что люди отдают, лишь бы жить, и ничего не оставляют себе?! Чтобы прожить только немногие неизвестные дни под постоянным страхом и в трудах – сколь многое они тратят? Сколь многое отдают? О, люди! люди! Я сказал уже, что тратят они даже и то, чем живут, лишь бы продлить жизнь свою. Но послушайте о худшем и более тяжком, более преступном, даже маловероятном, как я сказал, если бы оно не случилось. Чтобы только немного пожить, жертвуют они даже тем, чем могли бы обеспечить себе постоянную жизнь. Выслушайте и вникните в то, что скажу я. Вот еще не

сказано это, и однако многие уже заволновались из тех, коим Господь наперед благоволил открыть это, хотя оно еще и не высказано мной. Оставьте тех, кои для того, чтобы приобрести возможность недолго пожить, отдают и губят то, чем поддерживают самую жизнь свою. Посмотрите на тех, кои, чтобы приобрести себе возможность недолгой жизни, губят то, чем обеспечивали бы себе право вечной жизни, а именно: веру и благочестие, что есть как бы имущество, коим приобретается жизнь вечная. Вот неожиданно выйдет к тебе враг и, устрашая тебя, скажет не так: «Дай мне денег, и ты будешь жив», а заставит тебя отвергнуться от Христа, обещая сохранить тебе жизнь. Но когда ты сделаешь это, то, хотя и получишь право пожить еще немного, однако лишишься права на вечную жизнь. Скажи ты, боящийся смерти, это ли значит любить жизнь? Почему ты испугался смерти, если не потому, чтолюбишь жизнь? Но Христос есть жизнь. И зачем ты домогаешься этой ничтожной, непродолжительной жизни, чтобы потерять жизнь блаженную? Или, может быть, ты не терял веры и не имел чего терять?! Итак, держись же того, чем можешь достигнуть вечной жизни. Посмотри на ближнего твоего, сколь многое делает он для того, чтобы хотя немного время прожить. Подумай ты, уже отрекшийся от Христа, какое великое зло сделано тобой ради этих немногих дней жизни? И неужели не хочешь ты презреть эти недолгие дни, чтобы уже никогда не умирать, чтобы пребывать в вечном дне, и чтобы под покровом Создателя твоего, в вечном царстве, сделаться равным ангелам? Что погубил ты, чего не сделал? Не взял ты креста твоего для того, чтобы следовать за Господом.

6. Смотри же, сколь благоразумным хочет видеть тебя Тот, Кто сказал тебе: «возьми крест свой и следуй за Мной» (Лк 9:23), и еще: «сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф 10:39). Кто сбережет душу свою, тот потеряет ее. А кто потеряет, тот сбережет ее. Для того, чтобы погубить душу, будешь беречь ее, а когда погубишь, в конце концов сбережешь ее. Два есть способа сбережения, и между ними указывается одна погибель. Никто не может потерять души своей ради Христа, если сначала не сбережет ее. И никто не может сберечь души своей во Христе, если сначала не погубит ее. Итак, береги, чтобы потерять. Теряй, чтобы сберечь. Но каким образом ты прежде сберегаешь ее, так что имеешь ту, которую теряешь? Когда думаешь, что ты в одном лишь отношении действительно смертен, когда помышляешь о Том, Кто создал тебя и вдуновением создал тебе душу, и помнишь, что ею обязан Тому, Кто дал ее, что Тому должна быть она возвращена, Кто направил ее и устроил. Сберегаешь ты душу свою, когда содержишь ее в вере; если веруешь, сбережешь ее. Ты был погибшим прежде, нежели стал веровать. Сберег ты душу свою, бывши мертвым в неверии и оживши в вере. Таков ты теперь, что можно сказать тебе: «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк 15:32). Обрел ты душу свою в вере истинной, когда ожил от смерти неверия. Вот что значит, что сберег ты душу свою. Губи ее, но пусть душа твоя будет семенем для тебя. Потому что и земледelec молотью и веянием находит пшеницу и опять при посеве теряет ее. Находится на гумне то, что погибает в семени. Погибает при посеве то, что находится в жатве. Итак, тот сбережет душу свою, кто потеряет ее. Но если хочешь жать, зачем ленишься сеять?

7. Замечай же, когда сберегаешь душу свою, и когда губишь ее. Но как ты сберег бы ее, если бы не возжег в тебе света Тот, о Ком говорится в псалме: «Ты возжигал свечильник мой, Господи» (Пс 17:29)? И сберег ты душу свою, если только Он возжигает в тебе этот свечильник. Смотри также, как ты можешь губить ее. Не следует легкомысленно терять того, что так тщательно должно оберегаться. Не сказал Господь: «кто потеряет ее, тот сбережет». Но: «кто потеряет ее ради Меня». Может быть, когда увидишь на берегу тело потерпевшего кораблекрушение торговца, с сожалением поплачешь о нем и скажешь: «Несчастный человек! Из-за золота погубил ты душу свою». Справедливо скорбишь тут, справедливо жалеешь. Поплачь о том, кому не можешь теперь оказать помощи. Вот из-за золота мог потерять он душу свою, из-за золота не мог сберечь ее. К погибели души своей был он способен, к приобретению ее оказался менее годным. Следует подумать при этом не

о том, что погубил, но почему погубил. Если из-за корысти, то вот лежит бездыханное тело, и где то, что казалось так привлекательным ? И все-таки возобладали корысть, ради золота погублена душа, ради же Христа она не погибла и о, если бы погибла! Не будь же неразумен и будь тверд: слушайся Творца своего. Тот научит тебя и сделает мудрым, Кто создал тебя. Не смущайся ради Христа потерять душу свою. Создателю своему вверяешь то, что, по-видимому, теряешь. Конечно, теряешь ты; но берет Тот, у Кого ничто не пропадет. И если любишь ты жизнь, губи ее, чтобы сберечь. Потому что, когда сбережешь, хотя уже и не будет того, что губил ты, но останется навсегда причина, из-за которой губил. Во всяком случае сберегается при этом та жизнь, которая уже не может погибнуть. Потому что и Христос, Который доказал тебе пример в рождении, смерти и воскресении, «воскресши из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим 6:9).

О презрении к миру

1. Хочу говорить любви вашей, братия, о том, что относится к презрению жизни настоящей и надежде жизни будущей. Если хочешь знать, что следует презирать, то посмотри на мучеников, которые презрели эту земную жизнь. Если хочешь знать, на что нужно надеяться, то указываю тебе на воскресение, так как ныне Господь воскрес из мертвых¹. И если ты, человек, колеблешься теперь, то будь тверд в надежде, и если смущает тебя труд, пусть ободрит награда. К этому призывает нас апостол, когда заповедует Тимофею, говоря: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтоб они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1Тим 6:17-19). Это особенно должно помнить богатым. Слушайте это, богатые, имеющие золото и серебро и пламенеющие страстью, богатые, на которых с упованием взирают иногда бедные, ропщут, вздыхают, хвалят, завидуют, с коими хотят сравняться, скорбят о своем неравенстве с ними и среди похвал богачам говорят лишь: «вот, они одни счастливы, они одни живут лишь». Но вы, богачи, берегитесь, чтобы из-за этих слов, коими льстят вам люди бедные, не впасть вам в гордость; слушайте скорее апостола, целителя болезни, а не льстеца на словах. Настоящая жизнь ваша есть сон, и богатства эти, как бы во сне протекают. Апостол Павел убеждает достигать вечной жизни. Слушайте же Павла и не гордитесь. Слушай и псалмопевца ты, богач и вместе бедняк. Что имеешь ты, если Бога нет у тебя? И чего нет у тебя, если Бог с тобой? О богатых говорит псалмопевец «уснули сном своим, и не нашли все мужи силы рук своих» (Пс 75:6). Иногда и нищий, лежащий на земле и дрожащий от холода, во сне видит сокровища, радуется, восторгается, гордится и даже пренебрегает отцом своим в лохмотьях. Сон – это то, что видишь ты, нищий, когда спишь и радуешься. Однако пока не проснется он, чувствует себя богачом. Когда уснет, находит то, о чем, видимо, скорбит. Также и богач, имеющий умереть, подобен бедняку, спящему и видящему во сне сокровища. Ведь, и тот богач, который одевался в порфиру и виссон, и остался неизвестным по имени, презирал бедняка, лежащего у ворот, каждый день пиршествовал блистательно, потом, умерши и будучи погребен, он очнулся и увидел себя в пламени (Лк 16:19-24). Провел он время сна своего и после сна ничего не нашел, потому что не дал никакого разумного употребления богатству своему.

2. Для жизни ищется богатство, но не жизнь для богатства. Как многие примиряются со своими врагами, выговаривая себе одну только жизнь? И что ни имеют, все отдают, лишь бы жизнь сохранить. Все ли отдал ты, брат, врагам своим? Все, говорит, отдал, остался голым, и хотя голым, но все же живым. А почему? Потому отдали все, чтобы самому не оказаться убитым. И как с тобой это случилось? Хочешь – скажу тебе, как? Оттого это случилось, что прежде, нежели пришел к тебе враг, ты сам не оказывал помощи нищему, так – чтобы милостыня твоя восходила чрез бедного ко Христу. Христу не дал ты немногого, а врагу отдал все, что имел, и отдал навсегда. Христос просит и не получает. Тот требует и все отнимает. Если так дорого платишь ты за эту преходящую жизнь, то как же должна быть ценима жизнь вечная? Давай же ты, который даешь врагу, чтобы жить хотя нищим, хоть что-нибудь Христу, чтобы жить счастливо. Для того, чтобы жить в течение немногих дней, вот ты отдаешь, что требует враг твой, а чего хочет Христос, этого ты не делаешь. Не велико число дней жизни человека от детства до старости; и если бы Адам умирал сегодня, все равно, дни его были бы немноги, потому что все они были бы уже окончены им: пусть он жил бы шесть тысяч лет, и однако не велико было бы число дней жизни его, в виду того, что они все были бы прожиты. Во власти твоей большое число дней, полных труда и искушений, немного земли имеешь ты и виллу. Вот, враг, который пленил тебя, говорит «все, что

¹ Слово, по-видимому, было произнесено было в день Пасхи.

имеешь, дай мне»; и для того, чтобы жить, ты все отдаешь, ты, сегодня избавившийся от смерти, а завтра умирающий, от одного избавившийся, от другого, быть может, имеющий принять смерть. Вот сколь многое претерпевают люди из-за настоящей временной жизни и не хотят пострадать даже сколько-нибудь за жизнь вечную! Пусть вразумят нас, братья, хоть эти постоянные опасности. Вот все отдал ты, от всего отказался и радуешься тому, что жив, и говоришь: «хотя я и беден, наг, хотя нуждаюсь, нищенствую, однако, радуюсь тому, что я жив и не лишился этого радостного света. Пусть же явится Христос, пусть и Он примирится с тобою, не варвар, который пленил тебя, но Тот, Кто Сам пленен был и благоволил даже умереть за тебя. Тот, Кто Сам Себя отдал за тебя, призывает тебя к миру с Собою. «Хочешь ли жить ты?! Живи со Мною», говорит Он. «Следует только, чтобы ты возненавидел себя и полюбил Меня. Теряя жизнь свою, найдешь ее, а оберегая ее, погубишь».

3. Что касается богатства твоего, коим тебе приятно владеть, и которое готов отдать ты за жизнь настоящую, то вот я даю совет тебе, как поступить с ним. Если любишь его, то не теряй. Однако же, если любишь богатство только на земле, здесь, то оно погибнет вместе с тобою. Если любишь сокровища, то переноси их туда, куда и сам пойдешь, чтобы не потерять их здесь. на земле, несмотря на всю твою привязанность к ним, или еще при жизни, или по смерти. Вот я дал тебе совет: не сказал «губи», но «сохраняй». Хочешь собирать сокровища? Хорошо. Не говорю: «не собирай», но указываю место, где собирать. Смотри на меня, как на советника, а не как на врага твоего. Написано: «собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф 6:20). Но, может быть, скажешь ты: «не вижу я места на небе, где бы положить. Какую гору, какую машину должен найти я, чтобы коснуться неба, чтобы видеть, где положить там деньги мои?» Но что говоришь ты?! Знаешь же на земле ты место, где спрятать? Знаю, говоришь. Хорошо, довольно. Если спокоен бываешь ты, когда прячешь на земле, то как же не доверяешь ты Богу, Который сотворил небо и землю? Давай Богу смело, Ему вверяй себя, ибо Он сохраняет для тебя сокровища на небе. Он же промышляет о тебе и на земле, пока ты живешь. Хочешь сохранить деньги? Сохраняй, как знаешь. Если найдешь лучшего стража, чем Христос, ему вверяй свои деньги. Вверяю, говоришь, рабу моему. Хорошо. Насколько же больше должен верить ты твоему Господу? И неужели Господу предпочитаешь ты раба? О, христианин! Раб твой, может быть, украдет и исчезнет. А разве Христос это сделает? Многие рабы являлись неожиданно врагами по отношению к господам своим и предавали их вместе с их золотом. Итак, кому же вверяешь свои сокровища? Рабу, говорит, моему. Я знаю верность раба своего и потому доверяю ему. Хорошо. Высоко чтишь ты раба своего, золото свое вверяешь ему. А душу свою кому? Душу свою вверяю я Господу моему. Но не гораздо ли лучше, человек, и золото твое вверить Тому, Кому вверяешь свою душу? Или, может быть, верен Он в хранении души твоей и неверен в хранении денег твоих?! Но сохранит их для тебя Тот, Кто и тебя сохраняет. Хвалишь ты верность раба своего?! Да, я знаю, говоришь ты, верность раба своего. Но вся эта верность состоит в том, что он не обманывает, не берет твоего, но не в состоянии не потерять его. Но, вот, положил он сокровища твои, не сумел спрятать, другой находит их и уносит. Уже ли это может случиться и со Христом?

Оставь же нерадение и прими совет. Дай Христу голодающему, собирай сокровища на небе. И какой труд собирать для себя сокровища на небе? Хотя бы и трудно было это, все же следовало бы полагать сокровища в месте безопасном, откуда никто не мог бы взять их. И когда говорит Христос: «собирай сокровища на небе», не говорит тебе: «ищи горы, строй машины, подделывай крылья», – а говорит лишь: «давай Мне на земле, и Я сберегу для тебя на небе. Для того Я и являюсь на земле в бедности, чтобы ты богатым явился на небе. Сделай же переправу для себя». Быть может, боишься ты обманщиков, чтобы не потерять своего и ищешь, кто бы мог перенести, кто бы мог переправить. Вот, Христос помощник твой. Не обманет Он и перенесет.

4. Но где, спросит кто-нибудь, найти мне Христа на земле? Где найти Его, чтобы дать Ему. Как учит меня вера моя, что я слышу и чему научился в церкви, Он пострадал, умер и погребен, воскрес в третий день и в сороковой день по воскресении вознесся на небо, воссел одесную Бога Отца, а при скончании мира снова придет. Когда же здесь я могу увидеть Его? Кому могу дать из моего имущества, чтобы тот перенес к Нему? Не беспокойся! Неужели ты не читал или никогда не слышал, что сказал Савлу, когда он еще преследовал церковь, – гордый и жестокий, пылая ненавистью к христианам, что сказал ему Тот, Кого ты исповедуешь сидящим на небе? Вспомни, что сказал Он ему? «Савл, Савл, что ты гонишь Меня» – (Деян 9:4)? Кого Павел не видел и не касался, Тот говорит с неба: «что ты гонишь Меня?» Не говорит: «что гонишь родных Моих, рабов Моих, святых или братьев Моих». Ничего такого не говорит. А что сказал? «Что ты гонишь Меня», т.е., терзаешь члены Моего тела. За них, попираемых на земле, Глава говорит с неба. Потому что и у тебе, если кто-нибудь наступит тебе на ногу, язык твой говорит: «ты наступил на меня». Итак, что сомневаешься, что препираешься? Кто сказал Павлу: «что ты гонишь Меня», говорит и тебе: «питай меня». На земле Павел свирепствовал и Христа на небе преследовал; так и ты давай на земле и тем самым будешь питать Христа на небе. Ведь, и этот вопрос, который смущает тебе, разрешил Господь.

В святом Евангелии повествуется, что смутятся при всеобщем суде те, которые будут стоять по правую сторону, когда скажет им Господь: «алкал Я, и вы дали Мне есть», они скажут Ему «Господи! Когда мы Тебя видели алчущим?» – И тотчас же услышат на это: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:35-40). Если ты слышал это, скажи открыто, что не хочешь дать, и тогда не будешь иметь извинения и голосом своим осудишь себя. Вот о богатстве твоём учит тебя Господь Бог твой и дал совет, как поступать с ним. Любишь ли богатство? Люблю, говоришь. Переправляй же его и, когда переправишь, сам следуй за ним сердцем твоим, пока живешь, потому что «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:21). Если же к земле привязываешь сердце твое, стыдись, когда лжешь, отвечая на слова: «горе имеем сердца» (*Sursum cor*). Потому что в ответ на эти слова говорится: «имамы ко Господу» (*habemus ad Dominum*). Лжешь ты перед Богом. Даже в течение одного часа в церкви не хочешь говорить истины, лжешь перед Богом, как поступаешь всегда и перед людьми. Говоришь: «имамы ко Господу», а сердце твое сокрыто в земле, потому что «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

5. Если же ты поступаешь с богатством твоим так, как слышал, если будешь таким богачом, о каком говорит апостол, не будешь высоко думать о себе и полагаться на богатство неверное, так чтобы собирать себе сокровище – доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни, то тогда уже имей дерзновение ко Господу Богу твоему и говори Ему: «вот я, Господи, переправил на небо, что имел, или, если и имею что, так имею, как бы не имел. Так ли ценно царство небесное, как имение твое? Конечно, более ценно. И не таково оно, чтобы так оценивалось. Это говорит тебе Господь твой. Коего вопрошаешь ты об имении своем. Только до времени будешь жить ты, а потом умрешь; в царстве же Моем, говорит Господь, никогда не умрешь, но будешь жить вечно. Там будешь истинным богачом, где никогда не будешь иметь нужды. Ведь, потому ты ищешь для езды животных, для пропитания – обильные кушанья, для одеяния – драгоценные одежды, чтобы не ослабеть. Но разве на самом деле, имея многое, ты богат, а ангел, например, беден? Ведь, ничего не имеет он, ни конем, ни колесницей не пользуется, ни столом, полным богатыми яствами, ни одежд не делается для него, потому что облекается вечным светом. Старайся же богач, приобретать истинное богатство. Эти земные богатства хочешь иметь ты для того, чтобы было у тебя довольно пищи, потому что без нее ты ослабеваешь. Бог же истинно делает тебя богатым, потому что делает тебя сытым вовек. Ведь, сколько много ни имеешь ты, все же, когда наступает время обеда, ты пред обедом чувствуешь голод и ослабеваешь, так как ты немощен. Но разве это же самое испытывают ангелы? Разумеется, нет. Ни голода, ни слабости не испытывает ангел. В конце концов, ты начинаешь роскошествовать своими

обедами; это не есть уже удовлетворение нужды, а ненужный труд (*funus curagum*). И спокойно ли спишь ты, когда помышляешь об умножении богатства? Если не обманываюсь, я, то, как только приобрел ты богатство, потерял и покой свой. Когда бодрствуешь, помышляешь об умножении богатства; когда спишь, представляются тебе разбойники. Днем беспокойство, ночью – страх, постоянно несчастен ты. Истинным богачом хочет сделать тебя лишь Тот, Кто обещает тебе царство небесное. Но так же ли дорого думаешь ты покупать те истинные богатства, ту истинную, блаженную жизнь, как готов покупать эти несчастные и полные труда дни? Конечно, гораздо больше должно значить то, что гораздо большим является само по себе, именно, Царство Небесное.

6. Но что же делать мне? – Недоумеваешь ты. Вот, святой епископ, выслушал я увещание твое, повиновался совету твоему, не пренебрег повелением Божиим. Что имел, отдал бедным, и что имею, делю с нуждающимися. Что большее могу сделать?! Но имеешь и еще нечто, имеешь себя самого. Сам ты больше еще. Пусть остаешься ты без имения твоего, но ты должен отдать еще себя самого. Исполнил ли ты совет Господа твоего? Исполнил, отвечаешь. Но что же ты лжешь? Не все ты исполнил. С одной стороны исполнил, а с другой даже и не пытался. Слушай, что повелевает Господь: «пойди, продай имение твое и раздай нищим». Все ли? Нет. Чтобы не воображал тот, кто отдает бедным имение свое, что тем самым вредит себе, Господь тотчас успокоил его, говоря: «и будешь иметь сокровище на небесах». Но только ли это? Нет. Что же еще? «И приходи, и следуй за Мной» (Мф 19:21). Любишь ли и хочешь ли следовать за Тем, Кого любишь? Но Он (Господь) удалился, вознесся, и неизвестно, где теперь?! О, христианин! Неужели не знаешь, куда ушел Господь твой? Сказать ли тебе, как следовать за Ним? Через гонения, через поношения, через страдания от ложных обвинений, через оплевания, через удары по щекам и удары плетей, через венец терновый, через крест и через смерть. Что медлишь? Вот указал тебе путь. Тяжел, говоришь, путь этот. Кто может следовать по нему? Но стыдись, стыдись, отважный, ты, который называешься мужем от мужества (*a virtute vir diceris*). Вот последовали даже жены, коих страдания сегодня прославляем мы. Празднество жен мучениц Субурбитантских²) совершаем мы. Гладким, безопасным и надежным этот тесный и тернистый путь сделал для вас предшествовавшими прохождениями по нему Господь наш и ваш, Господь наш Спаситель, Господь Иисус Христос, Который царствует во веки веков. Аминь.

² Как думают некоторые, Лерпетуи и Фэлицаты.

О страхе Божиим

1. Много наставлений для нас имеется, братья, о страхе Божиим, и как полезно бояться Бога, об этом слово Божие говорит многократно. Насколько позволить краткость времени, выслушайте меня со вниманием, меня, желающего припомнить кое-что из этих многочисленных свидетельств и сделать некоторые пояснения к тому. Кто не радуется своему разумению или не желает его? Но что говорит Писание? «Начало мудрости – страх Господень» (Пс 110:10). Кому не приятно царствовать? Но послушаем, чему поучает Дух Святой в псалме: «Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь (пред Ним) с трепетом» (Пс 2:10-11). Поэтому и апостол говорит «со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Фил 2:12). Читаем мы также в Писании: «если желаешь премудрости, храни правду, и Господь подаст ее тебе» (Сир 1:26). Многих мы встречаем весьма равнодушных к правде и в то же время жаждущих мудрости. Таких Божественное Писание научает, что нельзя достигнуть этого иначе, как только исполнением того, чем они пренебрегают. «Соблюдай, сказано, правду (в русском тексте – заповеди), и Господь подаст ее тебе». Но кто может, не имея страха Божия, хранить правду? И в другом месте говорится: «не имеющий страха, не может оправдаться» (Сир 1:21). Таким образом, если Господь не подает премудрости никому, как только соблюдающему правду, и если не имеющий страха не может и оправдаться, то естественно следует отсюда, что «начало мудрости – страх Господень».

2. И пророк Исаия, когда говорит о семи важнейших дарах Святого Духа, начинает с премудрости и кончает страхом Божиим, как бы с высоты спускаясь к нам вниз, чтобы научить нас, как восходить вверх. Начал он с того, до чего мы хотим достигнуть, и приходит туда, откуда нам следует начинать. «И почиет на Нем, – говорит пророк, – Дух Господень, Дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, дух страха Божия» (в русском тексте – «и страхом Господним исполнится») (Ис 11:2-3). Итак, как пророк не вследствие сознания своей немощности, но чтобы научит нас, нисходит от премудрости до страха Божия, так нам не по гордости какой-либо, но для преуспевания нашего следует восходить от страха к премудрости. «Начало премудрости – страх Господень». Он есть именно та долина плача, о которой упоминает псалмопевец, когда говорит: «восхождения в сердце своем положи во юдоль плачевную»... (Пс 83:6-7) (в русском переводе: «...в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в себе источники». – *Ред.*). Под образом долины обозначается, конечно, смирение. Но кто смирен, если не боящийся Бога и вследствие этой боязни сокрушающийся о грехах своих в слезах покаяния и исповедания? Сердца сокрушенного и смиренного Бог не презирает (Пс 50:19). Но пусть не боится такой, что останется он в долине плача. В самом сердце сокрушенном и смиренном, кого не презирает Господь, положил Он (Господь) восхождения, чтобы мы восходили к Нему. Потому что так говорит псалмопевец: «восхождения в сердце своем положи во юдоль плачевную, в место еже положи...» (Пс 83:6-7). Где совершаются восхождения? В сердце. Но откуда же нужно восходить? От долины плача. А куда? «В место, сказано, еже положи». Какое это место, как не место покоя и мира? Там именно и пребывает чистая, всегда славная премудрость. Поэтому Исаия в целях назидания нашего нисходит от премудрости до страха, именно от места непрестанного мира до долины временного плача, чтобы мы, исповедуя грехи свои со скорбью, воздыханиями и плачем, не оставались все время в скорби, стенаниях и плаче, но, восходя от этой долины к духовному возвышению, на котором воздвигнуто святое царство Иерусалима, вечная мать наша, наслаждались там невозмутимую радостью. Итак, он (пророк) после того, как назвал премудрость, то есть неиссякающий свет мысли, называет затем разум; и как бы на вопрос: «от чего мы переходим к премудрости?» – отвечает: от разума. А от чего к разуму? От совета. От чего к совету? От крепости. От чего к крепости? От ведения. От чего к ведению? От благочестия; к благочестию – от страха. Итак, до мудрости доходим мы от страха, потому

что «начало премудрости – страх Господень». Так от долины плача поднимаемся мы до вершины мира.

3. Вот смиренные именно и находятся в долине плача, когда с трепетом приносят Богу сердце свое сокрушенное и смиренное. Отсюда поднимаются они до благочестия, так что уже не противятся Его воле, ни в слове Его, когда не разумеют Его смысла, ни в жизни, хотя бы многое совершалось здесь иначе, чем хочет того единичная воля человека. В этом именно случае следует говорить: «впрочем, не как Я хочу, но как Ты, Отче» (Мф 26:39). «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф 5:5), не землю мертвых, но ту, о которой сказано: «Ты прибежище мое и часть моя на земле живых» (Пс 141:5). Этим благочестием своим они приобретают затем способности ведения, так, что не только становятся способными сознавать силу грехов своих прежних, о коих горько сокрушались на первой ступени покаяния, но узнают также, в каком худом состоянии омертвения и отчуждения находятся они, хотя бы земное счастье и улыбалось им. Не даром же написано: «кто умножает познания – умножает скорбь» (Екк 1:18). Но «блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф 5:4). Отсюда восходят они к духу крепости, когда мир умирает для них, и они для мира; так что среди превратностей этой жизни и множества неправды любовь в них не оскудевает, но возрастает искание и жажда правды, пока не насытятся в бесконечном царстве святых и общении с ангелами. Потому что «блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5:6). Однако же вследствие тяжести искушений и соблазнов, так как сказано: «горе миру от соблазнов» (Мф 18:7), человеческая слабость может поддаваться обольщениям, и поэтому необходимо иметь дух совета. Потому что не так, сильна бывает в этой преходящей жизни способность крепости, чтобы, если кому предстоит борьба с лукавым противником, он не терпел иногда поражений, особенно чрез искушение языка, так как если кто скажет брату своему: «безумный», подлежит геенне огненной (Мф 5:22). Итак, что же есть дух совета, если не то, на что указывает Господь, когда говорит: «прощайте, и прощены будете» (Лк 6:37). Поэтому, как в порядке даров Духа Святого дух совета полагается на пятом месте, так в Евангелии в пятой заповеди блаженств убажуются милостивые: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7). Шестым считается у пророка Исаии (в обратном порядке) дух разума, когда сердца очищаются от всякого призрака плотской суеты, и до конца человек руководится чистым стремлением. Поэтому и в 6-ой заповеди блаженств Господь говорит: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8). Когда же достигнет человек последней степени совершенства, он останавливается, «успокаивается, наслаждаясь блаженным миром. Но кто является концом для нас, как не Христос Бог? «Потому что конец закона Христос к праведности всякого верующего» (Рим 10:4). И кто премудрость Божия, кто Сын Божий, как не Христос? В нем делаются все, кто бы они ни были, мудрецами и детьми Божиими, и это есть полный и вечный мир. И потому, как у Исаии дар мудрости считается седьмым для восходящих снизу вверх, хотя сам он, научая нас спускается, наоборот, сверху вниз, так и Господь в утешение нас в седьмой заповеди блаженств убажует миротворцев «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9). Итак, имея такие обетования и восходя по этим степеням к Богу, будем переносить мужественно все обиды и жестокости мира, и пусть не одолевает нас его злоба, победив которую, мы будем наслаждаться вечным миром. К этому и призывает нас, в конце концов, восьмая заповедь блаженств «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное» (Мф 5:10).

О любви и о слепце прозревшем

1. Незадолго пред этим, братия, апостол, когда читалось его послание, говорил нам о любви и так ее он изображает нам, что без нее все прочие, хотя бы и великие, дарования Божии нисколько бесполезны. Когда же она есть, она не остается одной. Итак, воздадим же любви вашей слово о любви. Одна есть любовь божественная, другая – человеческая. И человеческая бывает позволенная иная, другая – не позволенная. Об этих трех родах любви (*charitabitus vel dilectionibus*, потому что два имени имеет она у латинян, по-гречески же называется одним словом *ἀγάπη*) и постараюсь сказать вам, если Господь поможет мне. Итак, первая обязанность моя, как я сказал, указать, что есть любовь божеская и человеческая, и что человеческая любовь бывает двоякая: дозволенная и недозволенная. Сначала я буду говорить о любви человеческой дозволенной, которая не запрещается; потом – о любви человеческой же, которая осуждается, и, наконец – о любви Божеской, которая приводит нас к блаженству.

2. Если сказать кратко, позволенная любовь есть та, когда муж любит свою жену, а непозволенная, – когда он любит блудницу или чужую жену. В местах увеселительных и на улицах в большом почтении любовь недозволенная, когда любят блудниц. В дому же Бога, в храме Его, во граде Христовом, в Христовом теле любовь к блуднице ведет любящего к геенне. Пользуйтесь же любовью дозволенной; человеческая она, но все же, как сказал я, дозволенная. Не только дозволяется она в виде уступки, но так дозволяется, что если ее не будет, то это ставится в упрек, и она предлагается в виде совета. Итак, пусть позволительно будет вам любить жен ваших, детей, друзей ваших, любить ваших граждан. Все эти наименования имеют характер необходимости и как бы некоторое притяжение любви. Но вы знаете, что такая любовь может быть и у нечестивых, т.е. у язычников, иудеев и еретиков. Кто из них не любит жены, детей, братьев, близких, соседей, друзей и т.д.? Это есть именно любовь человеческая. Отсюда, если кто настолько жесток, что защищает в себе человеческую способность любви и не любит своих сыновей, но любит жену свою, тот не имеет права считаться и между людьми. Не заслуживает, правда, и похвалы тот, кто любит сыновей своих, но вместе заслуживает осуждения тот, кто не любит их. Пусть таковой обратит внимание на то, что, ведь, любят детей своих даже и звери, любят детей аспиды, любят тигры, любят львы. Нет животного, которое не ласкало бы детей своих. Хотя иное из животных и устрашает людей, детей своих однако же лелеет. Рыкает лев среди лесов, и никто не проходит мимо него. Но вот входит он в свою пещеру, где у него детеныши, и оставляет ярость своей дикости, оставляет ее как бы вне, не входит с ней туда. Поэтому кто не любит детей своих, делается даже хуже льва. Естественна эта любовь, следовательно, и дозволена.

3. Но остерегайтесь любви недозволенной. Вы – члены Христовы и тело Его. Слушайте апостола и устрашайтесь. Не мог он сказать выразительнее, сильнее и ярче, чем когда сказал «Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы»? И, сказав это, далее говорит «или не знаете, что совокупляющийся с блудницей становится одно тело с ней». Затем, приводит свидетельство от Писания, где говорится, что «двое будут одна плоть» (1Кор 6:15-16 и Быт 2:24). Сказано это о муже и жене по вдохновению свыше, но лишь касательно того, что дозволено, что допускается, что честно, но не о том, что постыдно, что недозволенно и достойно осуждения со стороны здравого смысла. Как в дозволенном соединении мужа и жены делаются два одною плотью, так же точно и в недозволенном сопряжении блудницы и прелюбодея. Если же это так, то пусть устрашит, пусть заставит содрогнуться тебя то, что сказано: «Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы»? Помни о членах Христовых ты, христианин, но не ищи в другом членов Христовых, в себе самом соблюдай их, потому что куплен ты кровью

Христовой. «Итак, отниму ли члены Христовы, чтобы сделать их членами блудницы»? Кто не страшится слов этих, тот не боится Бога.

4. Горячо, горячо умоляю вас об этом, братья мои. Предположим, чего нет, именно, что Господь обещал таковым безнаказанность и сказал «кто сделает это, того Я помилую, того не осужу». Допустим, что так сказал Господь. Но даже и при обещании этой безнаказанности кто осмелится отнять члены Христовы и сделать их членами блудницы? Не сделает этого, если есть у него третья любовь – Божеская, потому что три рода любви назвал я. О трех родах, насколько поможет мне Бог, обещал я сказать вам – о человеческой дозволенной, о другой человеческой – недозволенной и, наконец, о высшей любви – Божьей. Вопросим эту Божью любовь, положим пред ней те два рода любви и скажем вот дозволенная любовь человеческая, которой любят люди своих жен, дочерей и других, в силу некоторых естественных влечений. А вот другая любовь – недозволенная, когда любят блудниц, чужих служанок, чужих дочерей, не высватанных и не обрученных, когда любят чужую жену. Вот две любви перед тобою. С которой из них хотела бы ты быть вместе? Если захочешь оставаться с дозволенной, не будешь иметь общения с той – недозволенной. Никто пусть не говорит «я хочу иметь обе». Если обе хочешь иметь, давая место и любви к блуднице, наносишь оскорбление той любви, которая обитает в тебе, – любви высшей. И думаю, что если ты человек женатый и любишь блудницу, ты не впускаешь ее в дом свой, чтобы жила она там вместе с женою твою. До этого не приходишь; ищешь тьмы, ищешь мест закрытых. Не хочешь открывать позора своего. Но и те, которые не имеют жен, и имеют как бы больше прав на любовь к блудницам (потому говорю: как бы – quasi, – что и они понесут осуждение, если принадлежат к обществу верующих), – думаю, что и юноша, еще не имеющий жены, если любит блудницу, не допускают все же, чтобы она жила с его сестрою или матерью, чтобы не оскорбить их стыдливости, чтобы не унижить благородства своего рода. Итак, если ты не допускаешь, чтобы блудница, та, которую ты любишь, жила вместе с твою матерью или сестрой, чтобы не унижить, как сказал я, благородства своей крови, станешь ли допускать, чтобы в сердце твоём любовь к блуднице обитала вместе с любовью к Богу, и оскорблять кровь Христову?

5. Любите же Бога. Ничего нет лучше Его. Любите *вы* серебро, потому что оно лучше железа и меди. Любите более еще золото, потому что оно лучше серебра. Любите еще более драгоценные камни, потому, что они превосходят ценою и золото. Любите, наконец, этот свет, лишиться которого боится всякий, кто боится смерти. Любите, говорю, этот свет, почему его желал с такою сильною страстью тот человек, который кричал вслед Иисусу: «Помилуй меня, Сын Давидов!» Кричал слепой, когда Христос проходил мимо. Боялся, как бы не прошел Он мимо и не оставил его без исцеления. И как кричал? Не молчал даже, когда толпа удерживала его. Победил он противника, удержал Спасителя. Когда толпа перебивала его и удерживала, Христос остановился, позвал его и сказал: «чего ты хочешь от Меня»? – «Господи! чтобы мне прозреть»... «Прозри! вера твоя спасла тебя» (Лк 18:41-42). Любите же и Христа. Ищите света, который ест Христос. Если тот слепец искал света телесного, насколько более вы должны искать света для сердца своего? К Нему взывать будем не голосами, а жизнью нашей. Станем жить хорошо. Станем презирать мир. Пусть в ничто вменится для вас все преходящее. Пусть станут упрекать нас, когда мы будем жить так, как бы из сочувствия к нам люди этого века, любящие землю, гонящиеся за прахом, несколько не помышляющие о небесном, вдыхающие душою и телом всякие свободные веяния, – будут, без сомнения, они упрекать нас и скажут, если увидят, что мы презираем все это человеческое, земное: «зачем терпишь? что глупишь?» Толпа та препятствовала, чтобы слепец не кричал. Есть также много и христиан, которые препятствуют жить по-христиански, – так как, ведь и та толпа была со Христом и взывающему ко Христу человеку, ищущему у Него света, препятствовала получить благоденствие от Него. Есть такие христиане.

Но мы постараемся одолеть их, будем проводить добрую жизнь, и самая добрая жизнь эта пусть будет воплем нашим ко Христу. Он остановится, потому что всегда с нами (quia stat).

6. Великая тайна в том, что проходил Христос мимо, когда слепец взывал к Нему, – когда же исцелил, остановился. Прохождение Христа мимо пусть побудит усерднее взывать к Нему. Что такое знаменует прохождение мимо Христа? Все, что Он ни претерпел за нас во времени, – все это есть прохождение Его мимо. Родился Он, и это миновало, так как теперь уже Он не рождается. Возрастал, – но неужели и теперь возрастает? Питался сосцами Матери, – но неужели и теперь питается? Пользовался сном, когда уставал, – неужели и теперь пользуется? Вкусал пищу и пил воду, – но неужели и теперь делает это? Наконец, был схвачен, связан, подвергался ударам, увенчан был венцем терновым, получал удары по щекам, подвергался оплевыванию, повешен был на древе, умерщвлен, прободен копьем и погребенный воскрес, – во всех этих событиях как бы прошел мимо Иисус. Затем Он вознесся на небо и сел по правую сторону Бога Отца, – здесь стал Иисус. Взывай же к Нему, насколько можешь; только когда будешь взывать к Нему, Он просвещает. Впрочем, и в отношении того, что сказано: «и Слово было у Бога, и Слово было Бог», конечно остановился Христос, потому что в этом отношении Он был неизменен. Плоть чрез прохождение Его много перенесла и пострадала, но Слово пребыло неизменным. Этим именно Словом просвещается сердце, потому что этим же Словом прославляется и плоть, которую воспринял Он (Христос). Если отнимешь Слово, что тогда представлять будет плоть; то же, что и твоя. И лишь тогда плоть Христа делается достойной прославления, когда «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1:1,14). Будем же взывать ко Христу и проводить добрую жизнь.

7. Любите детей ваших, любите жен ваших, хотя бы во время этой жизни (saeculariter). Но следует любить по Христу, иметь попечение о них по Богу и не иначе, как чтобы любить в них Христа и ненавидеть в них то состояние, когда они не захотели бы иметь Христа. Это именно есть любовь Божеская. Какая польза им от преходящей, мимолетной любви вашей? Поэтому, когда любите и по-человечески, все же более любите Христа. Не говорю, чтобы не любил ты жены своей, но больше люби Христа. Не говорю, чтобы не любил отца, или детей, но сильнее люби Христа. Слушай Его, не думай, что это мои слова: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф 10:37). Неужели не боишься, когда слышишь: «не достоин Меня»? Тот, о ком говорит Христос «не достоин Меня», не будет с Ним. А кто не будет с Ним, где же будет? Если не любишь быть с Ним, бойся без Него остаться. Почему? Потому что будешь с диаволом, если не будешь со Христом. Но где будет диавол? Слушай Самого Господа, говорящего: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф 29:41). Если огнем слова Божия не возбуждаешься, бойся огня геенского. Если не хочешь быть среди ангелов Божиих, бойся оказаться среди ангелов диавола. Если не хочешь быть в царстве, бойся, чтобы не оказаться в печи пылающего огня, неугасимого, вечного. Пусть будет в тебе прежде страх и затем любовь. Страх пусть будет путеводителем для тебя; пусть не остается он в тебе, но ведет тебя к любви, как бы к некоему учителю.

О страхе Божиим

1. Не сомневаюсь, братья возлюбленные, в том, что в сердцах ваших коренится страх Божий, которым можете достигать вы истинной, действительной крепости. Хотя храбрым называется тот, кто никого не боится, ошибочно однако называется храбрым тот, кто не боится Бога, так чтобы, боясь, слушаться Его, слушаясь, любить и, любя, уже не бояться. Тогда Он будет истинно бесстрашным, не вследствие горделивой самонадеянности (*duritia*), но вследствие бестрепетной справедливости. «В страхе пред Господом – надежда твердая», говорится в Писании (Прит 14:26). Когда страх поддерживается опасностью наказания, коим угрожают, научаются любить награду, которая обещается, и таким образом чрез страх пред наказанием устанавливается добрая жизнь, а чрез добрую жизнь воспитывается добрая совесть, для которой не страшно никакое наказание. Поэтому пусть научается бояться тот, кто не хочет бояться. Пусть некоторое время побудет в тревоге тот, кто хочет пользоваться вечным покоем. Потому что, как говорит апостол, «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (Ин 4:18). Правильно, истинно сказал он. Если не хочешь иметь страха, подумай прежде, имеешь ли любовь совершенную, которая изгоняет страх. Если же прежде этого совершенства изгоняется страх, в таком случае вдохновляет тебя гордость, а не любовь назидаящая. И как при добром здоровье голод устраняется не пренебрежением к пище, а вкушением ее, так и при нормальном состоянии духа в человеке страх изгоняется не сомнением, а любовью.

2. Исследуй же свою совесть всякий, не желающий иметь страха. Не заботься только о своей наружности, войди в себя, внутрь сердца своего. Тщательно исследуй, не всасывает ли и не впитывает ли какая-нибудь отравленная там вена любви порочной, не возбуждаешься ли и не увлекаешься ли ты какой-либо приманкой плотского удовольствия, не надмеваешься ли какою-либо пустою кичливостью, не поглощаешься ли какими пустыми заботами, можешь ли сказать, что ты видишь себя чистым и безупречным, какие бы ни находил извинения для себя в своей совести, от дел, слов и помышлений худых. И если ты чист от какой-либо неправды, но овладевает ли тобой равнодушие к правде. Если ты от всего этого свободен, справедливо радуешься, радуйся, что ты без страха. Пусть изгонит его любовь к Богу, Которого любишь ты всем сердцем твоим, и всею душою своею, и всем разумением твоим. Пусть изгонит его любовь к ближнему, которого любишь ты, как себя самого, и о котором ты много хлопчешь затем, чтобы и он вместе с тобою любил Бога всем сердцем, и всею душою, и всем разумением. Потому что не в ином случае правильно любишь ты себя самого, как только если любишь Бога, так любишь, чтобы любить Его но менее и в том случае, когда обращаешься к себе самому. Когда же, пусть даже внутри не возбуждаешься ты никакою страстью (кто однако осмелится утверждать это о себе), любишь ты самого себя в самом себе и любишь сам собой, то вот этого самого и бойся больше всего, именно того, что ты ничего не боишься. Не всякою любовью изгоняется страх, но любовью истинной, когда мы всецело любим Бога и потому любим ближнего, чтобы и он также любил Бога. Любить же себя самого в себе самом и любоваться самим собой, – это не любовь истинная, а пустое кичение гордости. Потому и апостол справедливо упрекает людей самолюбивых и себе самим нравящихся (2Тим 3:1-5). «Но совершенная любовь изгоняет страх». Однако ту любовь лишь можно назвать любовью, которая но есть любовь суетная. Но что суетнее человека без Бога? Суетная любовь у того, кто любит себя самого в себе самом, а не в Боге. Справедливо поэтому говорится: «не гордись, но бойся» (Рим 11:20). Кто гордится и потому не боится, во всяком случае подвергается опасности, не в безопасном месте находится он, вдохновляясь духом гордости. Не кроток и не благочестив тот, кто сам себя только любит и хвалит, но надменен и дерзок. Не хочет знать он слов Писания: «Господом будет хвалиться душа моя; услышат кроткие и возвеселятся» (33:3). Что же доброго, когда кто, любя так себя самого, ничего не боится? Не в разуме он может найти оправдание себе в таком случае, а лишь в ожесточении. Вот, например, возьмем какого-либо отчаянного из разбойников.

Насколько безумно он храбр, настолько губительно для себя жесток, потому что вследствие любви к себе, из-за которой он ничего не боится, совершает тяжкие преступления, так что не только развивает страсть свою, но, развивая, хочет укрепить ее. И насколько больше будут преступления его, настолько большая будет в нем дерзость. Не должно, следовательно, считать за великое благо то, что можно найти в человеке самом испорченном.

3. Поэтому заслуживают посмеяния философы этого мира, и не только эпикурейцы, которые продают самую правду за цену плотских удовольствий. Для того, говорят эти последние, нужно быть мудрым и справедливым, чтобы находить и пользоваться удовольствиями телесными. Они также считают себя неустрашимыми и говорят, что ничего не боятся, потому что не допускают, чтобы Бог имел какое-либо попечение о делах человеческих, и не верят, что после этой жизни наступит другая. И если какие-либо превратности случаются с ними в этой жизни, они думают вознаградить себя тем, что могут соуслаждаться в душе помышлением о плотских удовольствиях, когда не могут пользоваться ими на самом деле, и таким услаждением хотят достигать блаженства плотских утешений, находясь под бременем скорбей телесных. Разве и у них любовь не изгоняет страха? Но это – любовь к не чистым удовольствиям, скорее – любовь пустой постыдной суеты. Потому что, когда являющаяся скорбь лишит тело его удовольствия, остается в душе только представление о нем и один лишь образ пустоты. Эта пустота и любится только, так что, когда пустой человек ухватывается за нее всем сердцем, от того будто бы и тяжесть скорби смягчается. И не только они (эпикурейцы) достойны осмеяния, но даже и стоики. Представители этих именно двух направлений, как читаем мы в книге Деяний Апостольских, осмелились бросать суесловие свое против нашего Павла (Деян 17:18). Ведь, и стоики считают себя неустрашимыми, не по причине удовольствий телесных, но по причине отваги (стойкости) духа, т.е. хотят избежать страха по причине изгнания способности к страху, надмеваясь злобой, будучи не мудростью научены, а ожесточившиеся в своем заблуждении. И, конечно, постольку они являются малоразумными, поскольку воображают, что больной дух может стать здоровым именно у них. Здоровье же души, полагают они, состоит в том, что мудрый, по их словам, не должен иметь сострадания. Потому что, если кто страдает, говорят они, – тот скорбит. А кто скорбит, того нельзя назвать здоровым. О, безумное ослепление! Что же если он тем меньше скорбит, чем менее здоров?! Другое дело, когда не бывает скорби по причине совершенного здравия, каковым будет тело и дух святых, по воскресении мертвых, в которое они (стоики) не верят, потому что имеют невежественных наставников, выдавая за учителей себя самих. Есть разница, – является ли скорбь вследствие здоровья, или вследствие слабости. Судя по состоянию настоящей тленности, здоровое тело, когда мучится, скорбит. Таков же и дух, который, будучи уязвлен несчастьем страждущего, соболезнует своим милосердием. Но тело, оцепеневшее по причине тяжелой болезни, или сделавшись мертвым по причине потери духа, уже, хотя и болеет, не чувствует однако боли. Таков же и дух тех, которые мудрствуют или, скорее, гибнут без Бога. Как тело оживляется духом, так и дух сам живет, будучи оживляем Богом. Пуст же подумают те, которые не скорбят и не боятся, о том, что, может быть, они не здоровы, но мертвы.

4. Итак, пусть имеет страх христианин, прежде чем совершенная любовь не изгонит страха. Пусть верит и знает, что он «устранен от Господа», пока живет в теле, которое тленно и отягощает душу. И тем меньше пусть будет страха, чем ближе будет отечество, куда мы стремимся. Большой страх должен быть у находящихся вдали, меньший – у приближающихся, никакого страха нет у достигающих. Так страх приводит к любви, и совершенная любовь изгоняет страх. Пуст же боится христианин, но не тех, которые убивают тело и не могут больше что сделать, но того, кто может и тело и душу ввергнуть в геенну огненную (Лк 12:4-5). Есть, однако, другой страх, страх Господень, чистый, пребывающий вовек (Пс 18:10). Но не его совершенная любовь изгоняет вон, иначе он не пребывал бы во век, и не напрасно, когда сказано: «страх Господень», – прибавлено

«чистый», а также «пребывающий вовек». Почему страх, который изгоняется вон любовью, мучит душу, если не потому, что мы боимся потерять после смерти нечто из того, что нравится нам, например, неповрежденность тела и его спокойствие или что-либо подобное. Поэтому и страшны нам в царстве мертвых наказания и скорби, и муки геенские. Когда же дух бодрствует и его не оставляет Бог, тогда бывает страх чистый, пребывающий вовек. Об этом я поподробнее сказал бы, если бы речь моя, без того уже достаточно длинная, не побуждала меня пощадить и свои старческие силы, и ваше внимание.

О любви

1. Божественного Писания многое изобилие и широту учения его воспринимает, братия мои, безошибочно и без особенного труда тот, чье сердце исполнено любви. Потому что апостол говорит «любовь есть исполнение закона» (Рим 13:10). И в другом месте он говорит «цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1Тим 1:5). Что же составляет цель увещания, если не исполнение заповеди? И что составляет исполнение заповеди, как не исполнение закона? Следовательно, что сказал он там в словах «любовь есть исполнение закона», – то же говорит и здесь словами: «цель же увещания есть любовь». И нельзя сомневаться, что человек, в котором обитает любовь, есть храм Божий. Апостол Иоанн говорит, что «Бог есть любовь» (Ин 4:8), Возвещающие же нам это апостолы, указывая на превосходство любви, не могли, конечно, говорить иного, кроме того, что сами восприняли. Сам Господь, питая их словом любви, потому что Он есть хлеб живой, сходящий с неба, говорит «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга»... и еще: «потому узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:34,35). Тот, Кто пришел, чтобы унижением креста спасти нас от тления и узы смерти разорвать своею смертью, создает нового человека заповедью новой. Исконным законом было для человека, чтобы он умирал. Но что не всегда имело силу даже для человека, это совершенно новым было для Бога, именно, чтобы Бог мог подвергнуться смерти. Но так как Он был смертным по плоти, а не по Божеству, то вследствие вечной жизни Божества и плоть Его не могла совсем уничтожиться. Он, как говорит апостол, «предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим 4:25). Таким образом, Кто против ветхости смерти принес новое начало жизни, Он же против ветхого греха дает новую заповедь. Поэтому, если хочешь искоренить в себе ветхую греховность, новой заповедью старайся подавить в себе страсть и возьми в свои объятия любовь. Как корнем всех зол является греховная страсть (cupiditas), так корнем всех благ является любовь.

2. Все величие и широта Божественных речений постигается любовью, когда мы любим Бога и ближнего. Учит нас Небесный Наставник и говорит «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... и возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22:37,39,40). Итак, если не можешь исследовать всех священных страниц и уразуметь сокровенное в них, проникнут в тайны Писания, держись любви, на которой все висит. Тогда будешь иметь и то, чему научился там, и то чего не изучал еще. Потому что если познал ты любовь, познал нечто такое, на чем утверждается и то, чего, может быть, ты не знал еще. В том, что разумеешь ты из Писания, открывается любовь, и в том, чего не разумеешь, скрывается любовь же. Итак, кто осуществляет любовь в своей жизни, тот овладевает и тем, что открывается, и тем, что скрывается в Божественном Писании.

3. Итак, братия, последуйте любви, этому сладкому и спасительному союзу душ, без которой богатый беден, и бедный богат. Она в несчастиях терпелива, в счастье воздержна, в тяжких страданиях мужественна, в добродетели щедра, в искушениях тверда, в гостеприимстве радушна; между истинными братьями она радостна, между лживыми терпелива. В Авеле во время жертвоприношения угодна, в Ное во время потопа безопасна, в переселениях Авраама тверда, в Моисее во время огорчений кротка, в Давиде во время гонений его незлобива. В трех отроках она безбоязненно взирает на охватывающий их огонь, в Маккавеях мужественно выносит жестокие мучения от огня. Чиста она в Сусанне в отношении к мужу, в Анне по смерти мужа, в Марии, не имеющей мужа. Дерзновенна в Павле к обличению, смиренна в Петре к послушанию, возвышенна в христианах для исповедания, божественна во Христе к прощению. Но что о любви большего могу сказать я в сравнении с теми похвалами, какие Господь влагает в уста апостола, показывающего превосходнейший путь любви и говорящего: «если я говорю языками человеческими и

ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я – ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1Кор 13:1-8). Вот какова любовь – душа писаний, сила пророчеств, ограждение тайн, основание знаний, плод веры, богатство бедных, жизнь для умирающих. Может ли еще быть большее великодушие, чем умереть за нечестивых? Что может быть благороднее любви к врагам? Только она не тяготеет чужим счастьем, потому что не завидует. Только она не превозносится своим счастьем, потому что не гордится. Она свободна от мучений злой совести, потому что не мыслит зла. Среди поношений она спокойна, среди ненависти доброжелательна, среди гнева незлобива, среди коварства чиста, среди неправды она скорбит, в истине утешается. Что сильнее ее к прощению обид? Что надежнее ее не в отношении к суете, но в отношении к вечности? Потому и терпит она все в настоящей жизни, что всего ожидает от жизни будущей. И переносит все, что здесь ни случается, потому что надеется на все, что там обещается. Истинно, она никогда не перестает. Итак, достигайте любви и, свято мысля о ней, приносите плод правды. И что бы вы ни нашли большего в похвалах, чем я мог высказать, все это пусть явится в жизни вашей. Нам же следует позаботиться, чтобы старческая речь наша не только была убедительна, но и коротка (*Opportet enim, ut senilis sermo non solum sit gravis, set etiam brevis*).

О пользе покаяния

1. Как необходимо и полезно покаяние, это легко поймут люди, если помыслят о себе, что они люди. Написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6). Также и Господь в Евангелии говорит «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 18:14), и более оправданным вышел из храма мытарь, сокрушавшийся о своих грехах, чем фарисей, спокойный в сознании своей праведности. Хотя он и воздавал хвалу Богу, говоря: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь; пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю», однако же предпочтен был ему тот, кто, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! будь милостив ко мне – грешнику» (Лк 18:10-14)! Не столько фарисей тот своим здоровьем восхищался, сколько сравнением его с чужими недугами. Полезнее было бы ему, так как он пришел к врачу, с сокрушением раскрывать то, чем был болен, нежели скрывать свои раны, хвалить себя, указывая на чужие раны. Неудивительно, что мытарь, который не устыдился признать свои слабости, вышел более оправданным. В делах видимых, чтобы достигнуть вершины, нужно подниматься вверх. С Богом же, хотя Он и выше всего, можно войти в соприкосновение не возношением, а смирением. Отсюда и пророк говорит «близок Господь к сокрушенным сердцем» (Пс 24:19), и еще: «высок Господь: и смиренного видит, и гордого узнает издали» (137:6). Дальше всего Он от гордых. Тех (смиренных) видит Он, чтобы поднять, а этих, – чтобы низринуть. И когда говорит, что «гордого узнает издали», достаточно ясно вместе показывает, что Он смиренного видит близко. Сам же Бог называется высоким, так что один Бог не является высокомерным, как бы Он превозносил Себя. Пусть же не думают гордые, что они могут укрыться от глаз Божиих, потому что узнает Бог гордого. И пусть опять-таки не считают себя близкими к Богу, потому что издали узнает Он гордого. Итак, кто отвергает смирение покаяния, тот не хочет приблизиться к Богу. Иное дело – подниматься к Богу и другое – подниматься против Бога. Кто перед Ним повергается, тот поднимается Им. А кто возвышается пред Ним, того Он принижает. Одно есть истинное величие и другое – пустая напыщенность. Кто полнеет снаружи, тот хиреет внутри. Кто желает быть лучше «у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия», того удостаивает Бог обитания во дворах Его. И ничего не берет Он Себе, когда принимает кого-либо в седалище блаженства. Поэтому в псалме весьма хорошо и истинно говорится: «Блажен человек, которого сила в Тебе, Господи!» И не думай, что тот, кто унижает себя, всегда остается в унижении, потому что сказано: «приходящий от силы в силу». И чтобы не подумал ты, что возвышение его в глазах людей совершается чрез видимое возвышение, хотя и сказано: «блажен человек, которого сила в Тебе, Господи!» последовательно показывает далее он духовную высоту этой силы: «восхождения в сердце своем положи, во юдолю плачевную, в место еже положи». Итак, где положил восхождения? «В сердце», именно, в долине плача. Это значит, что кто унижает себя, возвысится. Как восхождение означает возвышение, так долина означает плач, смирение. Как спутником покаяния является скорбь, так слезы являются доказательством скорби. И далее прекрасно сказано: «ибо благословение даст законополагая» (Пс 83:11,6,7,8). Для того закон дан, чтобы показать раны грешников, которые могло бы исцелить благословение благодати. Для того дан закон, чтобы гордому обнаружить его немощь, а немощному доказать необходимость покаяния. Для того дан закон, чтобы мы восклицали в долине плача: «в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»..., и чтобы вместе с плачем восклицали: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти» – (Рим 7:23-24), и чтобы вместе с апостолом; который научен был Тем, Кто творит суд обиженным, разрешает узников, отверзает очи слепым (Пс 145,7,8), мы могли благодарит Бога чрез Иисуса Христа, Господа нашего (Рим 7:23-25).

2. Как известно нам с вами, покаяние бывает трех родов. В церкви Божией они обычны и известны тем, которые ко всему хотят быть внимательными. Одно, рождающее нового человека, прежде чем в крещении не произойдет окончательного спасительного омовения всех, прежде бывших грехов, подобно тому, как при рождении ребенка минуют скорби для тех, у которых внутренности страдают, и вслед за печалью следует радость. Всякий, кто следит за движениями своей воли, когда приступает к таинствам верующих, не может начать новой жизни, если не раскается в прежней. От этого покаяния при крещении свободны одни лишь младенцы, потому что они не имеют свободного изволения. Им для очищения и отпущения первородного греха полезна вера тех, которыми они приносятся, так что от всяких последствий пороков других, от коих рождаются, они очищаются так же точно открытым исповеданием других. Истинно потому говорится в псалме: «вот я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс 50:7); равным образом и в другом месте написано, что никто не чист пред лицом Божиим, даже если бы только был один день жизни его на земле (Иов 14:4). Хотя желание узнать большее о состоянии младенцев в будущем наследии святых, которое обещается им, и превосходит меру разумения людей, однако благочестиво верится, что полезно для душевного спасения их то, что хранится по всему кругу земли силою церковного авторитета. Из прочих же людей никто не приходит к Христу, если прежде не раскается в том, что было прежде. Это первое покаяние и заповедуется иудеям апостолом Петром, когда он говорит «покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа» (Деян 2:38). Оно же требуется и Самим Господом, когда Он говорит «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17). О том же Иоанн Креститель, исполненный Духа Святого Предтеча и Предуготовитель пути Господня, говорит так: «Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф 3:7-8).

3. Другое покаяние, действие коего совершается в течение всей жизни, которую проводим мы здесь, должно сопровождаться постоянной, смиренной молитвой. Потому что всякий, кто истинно желает вечной, нетленной, бессмертной жизни, должен прежде всего искренно сокрушаться по поводу настоящей жизни, временной, тленной и смертной. И не так человек вступает в новую жизнь чрез таинство крещения, чтобы подобно тому, как освобождается он там от всех прежде содеянных грехов, так же точно освобождался от смертности и тленности самой плоти. Если же это так, истинно, следовательно, то, что написано, и силу чего каждый испытывает в себе самом, пока живет здесь, что «тленное тело тягощует душу, и эта земная храмина подавляет многозаботливый ум» (Прем 9:15). Но так как этого не будет в той блаженной жизни, когда поглощена будет смерть победою (1Кор 15:54), кто станет сомневаться, каким бы временным счастьем ни пользовался он, что нужно нам каяться в этой жизни и со всей ревностью стремиться к тому нетлению. И апостол говорит также, «что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – ибо мы ходим верою, а не видением» (2Кор 5:6-7). Но кто хочет действительно возвратиться к своему отечеству и к созерцанию Бога лицом к лицу, если не тот, кто скорбит о своем устраниении от Господа? Из такого именно чувства кающегося рождается следующий скорбный вопль: «Горе мне, что странствование мое продолжительно!» И чтобы ты не думал, что это говорит еще неверующий, – смотри, что следует: «Я пребываю у шатров Кидарских. Долго жила душа моя с ненавидящими мир. Я мирен но только заговорю, они к войне» (Пс 119:5-7). Не только к человеку верующему относить можно эти слова, но также и к ревностнейшему проповеднику истины и к неустрашимому мученику, святому апостолу Павлу. Ведь, тот же апостол говорит следующее: «Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и вздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, вздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2Кор 5:1-4). Итак, чего желать нам, как не иного бытия, чем то, какое теперь мы влачим? И о чем вздыхать, как не о

своим положением? Но когда будем мы свободны от этого, если не тогда, когда, по разрушении земной хижины, наследуем небесное жилище и духом, и телом, с обновлением всего человека? Поэтому и праведный Иов назвал искушением самую жизнь настоящую, восклицая: «не искушение ли житие человеку на земле»? И далее, не касаясь тайны падения человека, он говорит «яко же раб, бояйся Господа своего и улучив сень» (в русском тексте слова эти передаются иначе, и смысл их другой – Иов 7:1-2), – справедливо настоящую жизнь называя скорее тенью ее. Не напрасно и Адам после грехопадения, убежал, скрылся от лица Божия, сделав себе одежду из древесных листьев, из коих изготавливаются навесы для тени, как бы убегая от господина своего и ища тени.

4. Все это для того сказано, чтобы кто-нибудь, хотя бы он был через крещение и очищен от прежних грехов, не возгордился и не подумал, что нет уже за ним ничего, что отделяло бы его от таинства алтаря, но более хранил бы смирение, которое является главным руководственным правилом для христиан, – чтобы не гордились земля и пепел (Сир 10:9), пока не пройдет эта ночь, во время которой «бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе» (Пс 103:20-21). В качестве этой пищи суждено было явиться Иову, который говорил «не искушение ли житие человеку на земле»? И Господь говорит ученикам Своим: «се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу» (Лк 22:31). Итак, кто здравомыслящий не вздыхает о лучшем? И почему не проводить время в покаянии? Кто со всем смирением, моля Бога о помощи, не представит себя покорным Ему, пока не пройдут искушения и вся эта земная мишура, и не взойдет для нас тот день, который никогда не перестает, и не осветит скрытое во мраке и не обнаружит сердечных намерений, и тогда каждому будет похвала от Бога (1Кор 4:5)? Хотя бы кто и был уверен, что он укротил свое тело и, умерши для мира, обуздывает поработанные члены, так что грех уже не царствует в смертном теле его для исполнения похотей его, что он почитает одного только истинного Бога, не делает кумиров, не чтит изображений ложных божеств, не призывает напрасно имени Господа Бога своего, помнит день субботний, во образ покоя вечного, почитает родителей, не убивает, не прелюбодействует, не крадет, не лжесвидетельствует, не осквернен пожеланием чужой вещи или чужой жены, не роскошествует и не снедается скупостью, не сварлив, не хульник и не злоречив, продает, наконец, все свое и дает бедным, и следует за Христом, и укрепляет в сердце своем корень небесных сокровищ, – чего, кажется, требовать еще для полной справедливости, – однако же пусть не превозносится. Пусть помнит, что все это дано ему и не от него явилось. «Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил» (1Кор 4:7)? Пусть такой разумно употребляет господское имение, пусть заботится о ближнем, как о себе самом. Пусть не думает, что довольно сохранить только полученное, чтобы не услышать ему: «лукавый раб и ленивый!... надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, пришед, получил бы мое с прибылью» (Мф 25:26-27), чтобы не лишиться полученного и не быть ввергнутым во тьму внешнюю. Если весьма великого наказания следует бояться тем, которые целым сохраняют то, что получили, то на что надеются еще те, которые тратят полученное неправедно и незаконно? И в делах чисто житейских человек, таким образом, связывается обязанностью не только плотского, но духовного приобретения. Но хотя бы он и не был связан житейскими делами, все же не должен вследствие того, что служит Богу, приходиться в оцепенение от праздности, чтобы не оказаться отверженным. Пусть дает, если может, милостыню добродушно, дает ли когда что-нибудь бедным для удовлетворения их житейских нужд, или, когда, являясь раздаятелем небесного хлеба, созидает в сердцах верующих крепкие оплоты против диавола. «Добродушно дающего любит Бог» (2Кор 9:7). Пусть не впадает в малодушие в обстоятельствах трудных, которые необходимо случаются, чтобы показать человеку, что он человек. Пусть не гневается на того, кто со злобой врывается к нему, или забитый нуждою неумело просит, или без разбора хочет подойти к тебе со своими делами в то время, как ты занят большим, или на словах слепо сопротивляется явной справедливости, или когда является неприятно вялым. Пусть не обнаруживает чего-либо больше или меньше, чем

следует, пусть не говорит больше, чем нужно или, когда ненужно. «Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое» (Рим 10:15)! Но и они с земли сухой собирают прах, который естественно стряхивается ими в осуждение тем, кои вследствие дурной воли отвергают благовестие. Итак, не только по причине того, что жизнь эта скоропреходящая и неизвестна и не только по причине той заботы дневной, о которой сказано: «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф 6:34), и которую мы должны нести на себе, ожидая с твердым упованием, пока не пройдет это время, и принося плод с терпением, но и по причине праха этого мира, праха, который пристаёт к ногам подвизающихся на ниве благочестия, а также по причине неприятностей, случающихся даже в самых нужных делах, и вознаграждающихся при помощи Божией с избытком, нам нужно иметь ежедневное покаяние.

5. Но если к этому обязываются служители слова Божия и тайн Христовых, то насколько более обязываются к тому все другие простые подданные Великого Царя?

Апостол Павел, этот верный и отважный воин Христов, чтобы избежать только ложного подозрения в корыстолюбии, пользовался своим содержанием, даже когда, быть может, не было средств к содержанию; «другим церквам, так говорит он, я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам» (2Кор 11:8), Насколько же более миряне, связанные заботами века, должны совершать ежедневное покаяние? Хотя бы они и были незапятнанные и чистые от воровства, хищений, обмана, от любодеяния и всякого излишества, от гнусного идолослужения, от участия в пошлых зрелищах, от ересей и разделений и от всех, вообще, подобных пороков и преступлений, однако уже вследствие обычных домашних забот и в области интимных супружеских отношений так много грешат люди, что кажутся уже не только запорошенными пылью этого мира, но как бы обмазанными грязью. Это есть то именно, на что указывает апостол, когда говорит к коринфянам «и то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения»? Но среди них оказывается то достойное осуждения, о чем говорит он потом «но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев» (1Кор 6:7,8). Помимо всяких несправедливостей и обманов, даже суды и тяжбы иметь между собою считает апостол делом постыдным и увещевает, чтобы дела такого рода разрешались судом церковным. Отсюда понятны и следующие слова его: «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене». То же говорит он и о женщинах, хотя вместе с тем увещевает мужа и жену быть вместе, «чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим». Желая же показать, что это грех и лишь уступка немощи, он тотчас затем прибавляет «впрочем, это сказано мной, как позволение, а не как повеление» (1Кор 7:32,33,5,6). Только смешение того и другого пола ради рождения является неменяемым. Как много бывает также и других грехов или в разговоре о чужих предметах и делах до нас не касающихся, или даже в одном смехе пустом, – как написано: «глупый в смехе возвышает голос свой, а муж благоразумный едва тихо улыбается» – (Сир 21:23), или в самой пище, предназначенной для поддержания этой жизни, наблюдается неумеренность и невоздержание, сопровождающееся расстройством желудка на другой день; – или в купле и продаже, когда даются лживые уверения в ценности и дешевизне предметов. Долго перечислять все это, что каждый в себе лучше может заметить и увидеть, если внимательно будет держать пред собой зеркало Божественного Писания. Хотя бы и не было отдельных за нами смертных грехов, вроде убийства, прелюбодеяния или других подобных, однако, в совокупности они смертоносны своею многочисленностью и так обезображивают нас, что отделяют от чистейших объятий прекраснейшего всех сынов человеческих Жениха – (Пс 44:3), если не отсекаются посредством ежедневного покаяния.

6. Если же это неправда, то почему мы ежедневно ударяем в грудь себя? И подобное делаем даже мы, священствующие, предстоящие у алтаря. Молясь, мы говорим, и нужно,

чтобы в течение всей жизни говорили: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф 6:12). Молимся о прощении не того, что будто бы не прощено было нам в крещении, каковым утверждением мы можем показать лишь колебание веры нашей, а говорим это о ежедневных грехах, за которые каждый по силам своим неустанно приносить жертву милостыни, поста и самых молитв и молитв. Отсюда каждый, внимательно наблюдающий за собой, не станет обольщать себя, хорошо понимая, в какой опасности и вечной смерти оказывается он, и как нужно ему постоянно заботиться о своем очищении, вследствие частого отчуждения от Господа, и как склонны бываем мы возвращаться назад, даже стоя на пути Христовом. Ведь, если мы не имеем грехов и в то же время, ударяя себя в грудь, говорим «прости нам долги наши» то тем самым тяжко, вне всякого сомнения, согрешаем, когда даже во время самой молитвы (*inter ipsa sacramenta*) лжем. Таким образом, поскольку посредством веры, надежды и любви мы соединяемся с Богом и подражаем Ему, мы не грешим, но делаемся детьми Божиими. Поскольку же, вследствие немощи плоти вашей, так как она еще не освобождена от смерти и не изменена воскресением, вторгаются в нашу душу движения недобрые, порочные, мы согрешаем. Но нам полезно признаваться в этом, чтобы заслужить исцеление немощи нашей, осудив гордость. Поэтому истинно и то, что «рожденный от Бога не грешит» (1Ин 3:9), и то, о чем читаем мы в том же послании Иоанна: «если говорим мы, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин 1:8). Там говорится о первых шагах нового человека, здесь – об остатках прежнего; то и другое совершается в этой жизни. Постепенно наступает обновление и постепенно, с удалением ветхости, оно занимает ее место. Если же и то, и другое совершается здесь, то мы, следовательно, находимся в пути, – не только поражаем противника, но и сами поражаемся при не особенно осторожной борьбе с грехом. И похвалится теперь не тот, кто победил, но кто чаще наносит удары, кто мужественнее сражается. Это будет до тех пор, пока не увлечет некоторых в вечную смерть тот, кто, падши сам, завидует человеку стоящему, и пока не раздастся со стороны других (спасенных) торжествующий крик «смерть! где твое жало? Ад! Где твоя победа» (1Кор 15:55)? Но никогда мы так легко не поражаемся врагом, как если подражаем его гордости, и никогда сильнее не повергаем его, как если следуем за Христом. Ничем другим не причиняем мы ему больших скорбей, как если врачуем раны греховные исповеданием своих грехов и раскаянием в них.

7. Есть еще третий род покаяния, когда совершается оно за грехи, кои запрещает десятисловие, и о коих апостол говорит, что «поступающие так, Царствия Божия не наследуют» (Гал 5:21). Относительно этого покаяния каждый должен соблюдать особенную строгость, чтобы, осуждая самих себя, мы не были осуждены Господом; по слову того же апостола, «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1Кор 11:31). Пусть же взойдет человек на трибунал своей мысли, если боится того, что «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, – доброе или худое» (2Кор 5:10). Пусть поставит себя пред лицом своим; так и Бог грозит грешнику, говоря: «изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои» (Пс 49:21). Итак, установивши судище в сердце своем, найди обвинителя в мысли своей, свидетеля в своей совести и мучителя в страхе. Пусть через слезы истекает у кающегося как бы кровь души его. Наконец, пусть утвердится он в той мысли, чтобы считать себя недостойным причащения тела и крови Господней, так, чтобы тому, кто боится отделиться от Небесного Царства через последнее решение Верховного Судии, уделялся, но лишь после исполнения правил церковных, в таинстве хлеб небесный. Пусть стоит перед взором твоим образ будущего суда, и когда одни приходят к алтарю Господню, к коему сам ты не подходишь, помышляй, как ужасно наказание, в силу коего в то время как одни получают жизнь вечную, другие осуждаются на смерть вечную. К этому алтарю, который теперь утвержден в церкви для прославления Божественных тайн и доступен зрению телесных очей, могут приближаться многие, даже и преступники, так как Бог в настоящем времени показывает свое терпение, чтобы в будущем показать строгость. Приходят они, не

подозревая, что терпение Божие призывает их к покаянию. Но они по ожесточению и нераскаянности сердца своего собирают себе «гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздает каждому по делам его» (Рим 2:4-5). К другому же алтарю, куда предтечу за нас вошел Иисус, Глава Церкви, куда за этой Главой имеют последовать и прочие члены, не может приблизиться никто из тех, о коих, как я уже упоминал, апостол сказал, что поступающие так царства Божия не наследуют. Один лишь Священник будет там, но, конечно, со (Своим телом, коего Он является главой, которая уже вошла на небо, Это именно имеющее быть вместе на небе с главою тело апостол Петр называет «царственным священством, народом святым» (1Пет 2:9). Итак, каким образом, за внутреннюю завесу, в то невидимое святое святых осмелится или может войти тот, кто, пренебрегая правилами церковными (*qui medicinam coelestis disciplinae contempnens*), не захотел на короткое время отвлечься от видимого? Кто не хотел унизиться для того, чтобы возвыситься, тот, когда захочет возвыситься, унижится. И навеки отделится от общения со святыми всякий, кто в течение этого времени подвигом послушания и оправданием в покаянии не заботился приготовить себе место в теле Небесного Первосвященника. С каким бесстыдным челом захотел бы тогда отворить лицо Божие от грехов своих тот, кто теперь не говорит от всего сердца: «Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною» (Пс 50:5)? И как Бог мог бы простить то, чего сам человек не захотел познать в себе самом?

8. Но, может быть, имеют надежды какие-нибудь и те, которые хотят успокоить себя суетою? Погрязая в пороках и роскоши, они, когда слышат слова апостола, что «поступающие так царства Божия не наследуют», хотят иметь спасение, коего ищут, кроме Царства Небесного, и так говорят себе, отказываясь совершать покаяние о грехах своих и изменить пагубный образ жизни хоть сколько-нибудь к лучшему: «не хочу царствовать, довольно для меня быть спасенным». Но здесь обманываются они прежде всего потому, что нет никакого спасения для тех, которые упорствуют в своем нечестии. Господь говорит «и по причине умножения беззакония во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется» (Мф 24:12-13); спасение обещается во всяком случае остающимся в любви, а не в нечестии. Где же бывает любовь, там не могут иметь места те злые дела, которые отделяют от царства Божия. «Ибо весь закон в одном слове заключается: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал 5:14). Затем, если и есть какая разница между царствующими и не царствующими, следует однако заботиться о том, чтобы всем быть вместе, и чтобы не оказаться в числе худших (*hostium*) или чужих. Ведь, и римляне, хотя все владеют своим царством Римским, однако, не все царствуют и повинуются другим – царствующим. Но апостол не говорит, что поступающие так не будут царствовать, а сказал «поступающие так Царства Божия не наследуют». Это же сказано о плоти и крови. «Плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия... Ибо тлению сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (1Кор 15:50,53), так что являются они уже не плотью и кровью, но душевное тело получает свойство и природу тела духовного. Хотя бы устрашились они последнего приговора нашего Судии, который потому и благоволил Он сделать известным, чтобы предостеречь верных рабов Своих, даруя «боящимся знамя, чтобы они подняли его ради истины» (Пс 49:6). Кроме тех, кому прямо обещано, что они будут судит согласно словам Господа: «сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19:28), в числе судящих следует разуметь всех, кто ради Евангелия оставил все свое достояние и последовал за Христом. Число двенадцать означает некоторую целокупность, и неужели не будет там апостола Павла, хотя он и не был из числа двенадцати? Будут, таким образом, участвовать верные в суде вместе с теми, кого называет Господь именем ангелов, когда говорит «приидет Сын Человеческий, и все святые ангелы с Ним» (Мф 25:31). Ангелы суть вестники. Вестниками совершенно справедливо можно назвать всех, кто возвещает людям о небесном спасении. Отсюда, и евангелистов можно назвать добрыми ангелами, и об Иоанне Крестителе сказано: «вот Я посылаю ангела Моего пред лицом Твоим» (Мр 1:2; Мал 3:1). За исключением всех этих святых, остальное

множество людей, как ясно уже из слов Самого Господа, разделено будет на две части. И поставит Он овец по правую сторону, а козлов по левую и скажет овцам, т.е. праведникам «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира». Об этом царстве говорит и апостол, когда, перечислив дурные дела, замечает, что поступающие так царства Божия не наследуют. Замечай далее, что услышат стоящие по левую сторону: «идите, – говорит Господь, – в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф 25:31-41). Пусть же поэтому никто не надеется на одно лишь имя христианское и со всякой покорностью и страхом слушает апостола, говорящего: «ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в царстве Христа и Бога. Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления. Итак, не будьте сообщниками их» (Еф 5:5-7). Подробнее же Он говорит об этом к Коринфянам так «не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют». И смотрите, как Он затем освобождает от страха и отчаяния тех, которые совершили это в прежней жизни: «и такими были некоторые из вас, но омылись, но освятились... именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор 6:9-11).

9. Итак, кто после крещения продолжает совершать прежние злые дела, неужели будет он оставаться врагом себе до такой степени, чтобы колебаться еще переменить жизнь, пока есть время, и станет грешить далее? Ведь, так упорно оставаясь во грехах, он собирает себе гнев на день гнева и откровения праведного суда Божия, и если живет еще, то эта значит, что терпение Божие ведет его к покаянию. И вот, опутанный узами смертоносных грехов, он еще не хочет, еще откладывает, еще колеблется прибегать к ключам Церкви (*ad irpsas claves Ecclesiae*)³, при посредстве коих мог бы получить разрешение здесь, на земле, чтобы быть разрешенным на небе, смеет надеяться после этой жизни на какое-то еще спасение потому только, что называется христианином, и не страшится истинных угрожающих слов Господних «не всякий говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф 7:21). Разве и апостол в послании к Галатам, перечислил дела, коими согрешают люди, не тот же делает вывод? «Дела плоти, – говорит он, – известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависти, убийства, пьянство и тому подобное; предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал 5:19-21). Пусть же осуждает человек сам себя за свое расположение к таким порокам, пока может это сделать, и пусть постарается изменить жизнь свою к лучшему, чтобы, когда уже не в состоянии будет этого сделать, не подвергнуться осуждению от Бога. И когда уже созреет в нем мысль о действительном исправлении, пусть приходит к предстоятелям Церкви, через которых разрешение от грехов; как добрый сын, с соблюдением установленного порядка, пусть получает от служителей тайн и знак своего оправдания и, с полной преданностью и благоговением принося жертву сердца сокрушенного, пусть делает то, что не только бы ему служило во спасение, но и другим в назидание. И если священник найдет это полезным для церкви, пусть не отказывается кающийся, в виду тяжести греха и произведенного им соблазна для других, принести покаяние пред лицом многих или даже пред лицом всего народа, пусть не противится и не увеличивает тем воспаления пагубной и смертоносной раны своей, пусть помнит всегда, что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6). Да и что печальнее, что хуже, как не стыдиться самой раны, которой нельзя скрыть, и в то же время стыдиться ее перевязки?

10. Пусть никто не думает, братия мои, что потому может он пренебречь советом касательно этого спасительного покаяния, что, быть может, видит и знает многих,

³ Так именуется здесь таинство покаяния.

приступающих к таинству алтаря, грехи коих известны ему. Потому что многие исправляются, как Петр, многие терпят, как Иуда. Состояние многих неизвестно, пока не придет Господь, «Который и осветит скрытое во тьме и обнаружит сердечные намерения» (1Кор 4:5). Ведь, многие потому желают обвинять других, что через них стараются извинить себя самих. Многие же добрые христиане потому молчат и терпят грехи других, которые им известны, что не имеют часто доказательств, и то, что они сами знают, не могут доказать перед судом церковным. Хотя и истинно иное, однако судья не может довериться тому, если нет верных доказательств. Мы же не можем удерживать от общения никого (хотя бы это удержание имело лишь воспитательную цель), если только кто добровольно не признается во грехе или не будет указан и обличен судом честным или церковным. А присвоит себе и то, и другое право, т.е., быть для всякого и обвинителем, и судьей кто осмелится? На такой порядок кратко указывает, как следует полагать, апостол Павел в том же послании к Коринфянам, когда, назвав всякого рода пороки, дает форму суда церковного для всех подобных пороков. Он говорит «я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем, не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего» (1Кор 5:9-10). Не могут люди, живя в, этом мире, не быть вместе с таковыми. Не могут и приводить их ко Христу, если будут избегать бесед и общения с ними. Поэтому и Господь, вкушая пищу с мытарями и грешниками, говорил «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф 9:12-13). И апостол, следуя Ему, говорит далее: «я писал вам – не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницей, или хищником, – с таким даже и не есть вместе. Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас» (1Кор 5:11-13). Здесь он ясно доказывает, что не необдуманно и не кое-как злые должны быть лишены общения церковного. И если нельзя этого сделать посредством суда, то пусть скорее сердятся они, чтобы кто-нибудь, избегая злых, сам не удалялся от церкви и других не увлекал в геенну. Примеры этого в назидание нам указаны в Священном Писании, например, в жатве, когда солома остается до последнего дня веяния (Мф 3:12), или когда говорится о неводе, в коем остаются хорошие рыбы вместе с худыми, пока их не разделят на берегу, т.е. при кончине века (Мф 13,47-50). Не противоречит этому и то, что говорит апостол в другом месте: «кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает» (Рим 14:4). Не хотел он, чтобы один человек подвергался осуждению другого по одному только подозрению, или судился необычным произвольным судом, но чтобы все совершалось согласно с законом Божиим, по чину церковному, когда кто-либо сам признается, или когда он ясно будет обвинен и уличен. Иначе для чего сказал он «но кто, называясь братом, остается блудником... или идолослужителем»... и пр., как не с целью научить, чтобы обвинения эти произносились правильно, как это установлено чином церковным? Ведь, если довольно одного наименования (оговора), то многие невинные должны были бы быть осуждены, потому что часто во всякого рода преступлениях оговариваются ложно.

11. Итак, те, коих убеждаем мы совершать покаяние, пусть не ищут себе спутников по пути к наказанию и пусть не радуются, что много находится их. Ведь, не меньше будут страдать они оттого, что вместе со многими подвергнутся страданиям. Неумная это отговорка и напрасное утешение для себя. Или, может быть, видят, что многие из предстоятелей и служителей церковных живут не согласно со своим словом и недостойно тайн, которые чрез них совершаются для прочих. О, несчастные люди, забывающие через это Христа! Ведь, Он уже давно указал, чтобы мы более повиновались закону Божию, нежели старались подражать тем, которые говорят и не делают (Мф 23:3). Терпя до конца своего предателя, Он посылал его даже на проповедь вместе с другими. Те, которые охотнее избирают – подражать дурным нравам своих предстоятелей нежели исполнять возвещаемые чрез них заповеди Божии, столь же неразумны, нетолковы и жалки, как жалок путник,

который станет думать, что следует ему остановиться и не идти далее, когда увидит, что дорогу показывают каменные столбы, покрытые буквами. Почему однако, если нужно дойти до конца, не посмотреть внимательнее и не последовать за такими спутниками, которые и путь хорошо показывают и сами беспрепятственно и быстро идут по нему? И это в том случае, если бы в таких спутниках был недостаток, и их было бы мало; ведь, не может же совсем не быть их, хотя люди не так ищут то, что может служить к подражанию, как то, на что могли бы излить лицемерное негодование, и не находят добрых, будучи сами дурны, или боясь найти таковых, желая навсегда остаться злыми. Впрочем, допустим, что теперь нет людей, достойных подражания. Но всякий, думающий так, пусть посмотрит мысленно на Господа, Который сделался человеком, чтобы научить жизни человека. Если Христос обитает у тебя во внутреннем человеке, в верующем сердце твоём, и если ты помнишь слова апостола Иоанна: «кто говорит, что пребывает в Нем (во Христе), тот должен поступать так, как Он поступал» (1Ин 2:6), тогда не придется искать тебе, за кем следовать, и другой, когда увидит тебя, не станет жаловаться также на недостаток добрых. Если ты не знаешь, как нужно жить праведно, старайся узнать заповеди Божии. Весьма возможно, что многие живут праведно, но потому тебе кажется, что нет таковых, что ты не знаешь, в чем состоит жизнь праведная. Если же узнал, поступай так, чтобы и сам ты имел, чего ищешь, и другим показывал, чему нужно подражать. Стремись духом ко Христу, стремись к апостолам, из которых самым младшим является тот, кто говорит «подражайте мне, как я Христу» (1Кор 4:16). Стремись духом к неисчислимому множеству мучеников. Почему приятно тебе прославлять память их постыдными пиршествами⁴ и неприятно подражать жизни их доброй жизнью? Там увидишь, что не только мужи, но даже женщины и, наконец, мальчики и девочки не увлекаются неразумием и не совращаются нечестием, не падают перед страхом опасностей, не трогаются любовью этого века. Так тебя, не знающего где найти оправдание себе, окружает не только прямое руководство заповедей, но и бесчисленное множество примеров.

12. Но продолжим беседу о пользе и спасительности покаяния, как это мы наметили уже. Если ты, отчаиваясь в своем спасении, прибавляешь ко грехам грехи, как написано: «с приходом нечестивого, приходит и презрение» (Прит 18:3), то все-таки не пренебрегай покаянием, не отчаивайся; взывай из глубины сердца к Господу и говори Ему: «из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой. Да будут уши твои внимательны к голосу молитв моих. Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит? Но у Тебя прощение» (Пс 129:1-4). Из такой глубины ниневитяне воззвали и получили прощение; угроза пророка оказалась слабее против смиренного раскаяния их. Но, может быть, ты скажешь: «я уже крестился во Христа, от Которого получил отпущение всех прежних грехов, и сделался презренным, постоянно повторяя свои поступки, как бы скверным в глазах Божиих псом, возвращающимся на свою блевотину. «Куда пойду я от Духа Его и от лица Его куда убегу?» Но куда бежать тебе, брат, как не к милосердию Того, властью Которого ты, согрешая, раньше пренебрегал? Никто не убегает от Него иначе, как к Нему, переходя от Его гнева к Его милосердию. И какое место найдешь ты, где бы не находило тебя Его присутствие? Если взойдешь на небо, Он там; если сойдешь в преисподнюю – там. Расправь крылья свои и вселись мысленно на край этого мира, – и оттуда изведет тебя рука Его и удержит десница Его (Пс 138:7-10). И чтобы ты ни сделал, сколько бы ни согрешил, ты, ведь, еще пользуешься жизнью, которую Господь отнял бы у тебя, если бы не хотел твоего спасения. Зачем забываешь, что терпение Божие ведет тебя к покаянию (Рим 2:4)? Кто, взывая, не убедил тебя, чтобы ты не ходил от Него, Тот же, шадя, зовет, чтобы ты возвратился. Посмотри на Давида царя: он удостоился и сам получения откровений, был обрезан, что в то время служило вместо крещения, почему и апостол говорит об Аврааме, что он получил знак обрезания, как печать праведности через веру (Рим

⁴ Указывается на существовавший в древности обычай устраивать в дни памяти мучеников, на гробницах их, торжественные обеды.

4:11). Уже помазан он был помазанием честным, которым предизображалось царское священство церкви. И вот, сделавшись вдруг виновным в прелюбодеянии и убийстве, он не напрасно однако, раскаиваясь в столь огромном и глубоком грехопадении, взывал к Господу, говоря: «отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои». Почему, если не потому, что «беззакония мои, – как говорил он, – я сознаю, и грех мой всегда предо мною»? Что же приносит он Богу такое, чем бы можно было умиловать Его? «Жертвы, – говорит пророк, – Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс 50:11,5, 8,19). Не только сам благоговейно приносит он жертву Богу, но, говоря так, и другим показывает, что нужно приносить. Недостаточно изменить только жизнь к лучшему и удалиться от злых дел, если вместе с тем о грехе не дается удовлетворения Богу через скорбь покаяния, через чувство смирения, через жертву сердца сокрушенного, при содействии дел милосердия. Потому что, «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф 5:7). В другом же месте Писания заповедуется, чтобы мы не ограничивались только воздержанием от грехов. «Сын мой! сказано, но прилагай более грехов и о прежних молись» (Сир 21:1). И апостол Петр был верующим, сам был со Христом, и других крестил. Но смотри на Петра, заслужившего упрек за свою самонадеянность, из-за страха павшего и вследствие сокрушения своего исцелившегося. Так же точно, после сошествия Святого Духа на апостолов, некто Симон, уже крестившийся во Христа, захотел купить дар Духа Святого, помышляя о постыдной и нечестивой купле, но обличенный Петром, получил от него наставление принести покаяние (Деян 8:13-22). Равным образом и апостол Павел, давая при всяком случае свои наставления верующим, говорит: «я опасюсь... чтобы опять, когда приду, не уничижил меня и вас Бог, и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» (2Кор 12:21). Итак, нам даны и заповеди правой жизни и указаны примеры не только право делающих, но и кающихся для получения спасения, которое через грех было утеряно ими. Правда, мы не знаем, прощает ли нас Бог. Но что теряет, если молится Богу, тот, кто не колебался губить свое спасение, когда гневил Бога?

Кто знает, например, хочет ли простить нас владыка земной – император? И однако люди тратят деньги, проплывают моря, подвергают себя опасностям от бурь и, чтобы избавиться от смерти, находятся под постоянной угрозой смерти, обращаются с мольбой к человеку, и все это делается без колебания, хотя исход просьбы остается сомнительным. Но ключи церкви более надежны, нежели сердца царей. Что этими ключами разрешается на земле, то по обещанию будет разрешено и на себе (Мф 16:19). И самое унижение пред церковью Божией много почетнее: и труда меньше требуется и, при отсутствии какой-либо опасности телесной смерти, устраняется опасность смерти вечной.

О пользе покаяния

1. Голос кающегося познается в словах, которые повторяли мы за чтецом «отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои» (Пс 50:11). И хотя мы не хотели было говорить к любви вашей, однако узнали отсюда, что по повелению Божию нужно говорить нам. Хотели было мы в настоящий день оставить вас без поучения, зная, сколь обильную пищу уже вы получили. Но так как с пользой потребляете вы, что предлагается вам, вы ежедневно голодаете. Пусть же поможет нам Господь Бог наш и в недостатке сил наших, и чтобы слышание слова нашего было полезно для вас. Знаем мы, что нужно идти навстречу вашим добрым и полезным желаниям. Итак, окажите поддержку нам вашим благоговением и вниманием: благоговением к Богу, вниманием к слову, чтобы сказать нам то, что полезным найдет Тот, Кто пасет вас чрез нас. Итак, голос покаяния слышится в этих словах: «отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои», и мы свыше получили повеление говорить о покаянии. Не давали мы распоряжаться чтецу петь этот псалом. Но что Он (Господь) нашел полезным для слушания вашего, это и вложил в сердце отрока. Итак, говорим о пользе покаяния, тем более в виду наступающего великого дня⁵), когда и особенно прилично смирять дух и укрощать тело.

2. В Священном Писании имеется указание на три рода покаяния. Никто не должен приступать ко крещению во Христа, в котором очищаются все грехи, если прежде не раскается в прежней жизни. Никто не начинает новой жизни, не раскаявшись в старой. Однако следует авторитетом Священного Писания подтвердить, должны ли приступающие ко крещению совершать покаяние. Когда ниспослан был апостолам ранее обещанный им Дух Святой, и Господь явил истину общения Своего, они, исполненные Духа Святого, начали, как вы знаете, говорить на разных языках, – так что каждый из тех, которые были там, мог слышать речь свою. Устрашенные этим чудом, слышавшие спрашивали апостолов, что им делать. Тогда апостол Петр возвестил им, что нужно чтить Того, Кого распяли, и с верою принимать (biberent) пролитую кровь Его. Когда возведено было им о Господе нашем Иисусе Христе, и когда слушающие познали вину свою, они смутились, так что исполнилось на них сказанное некогда пророком «*возвратихся на страсть, егда унзе ми терн*» (Пс 31:4). Почувствовали горечь скорби, когда стал колоть их терний воспоминания о грехе. Думали они, что ничего не сделали дурного, еще не был вонзен терн. Когда же говорил Петр, они, по слову Писания, «умилились сердцем». И в том же самом псалме, где сказано: «*возвратихся на страсть, егда унзе ми терн*», говорится затем «но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (ст. 5). Когда же, пронзенные этим тернием воспоминания, они сказали апостолам: «что нам делать», Петр сказал им: «покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов» (Деян 2:37). Итак, теперь, если только есть здесь желающие креститься (надеемся, что они тем внимательнее к слову нашему, чем ближе к прощению), к ним именно обращаемся мы с немногими словами, чтобы воздвигли мысли свои к надежде. Пусть возлюбят то, чем хотят быть, и возненавидят то, чем были. Пусть с благоговением воспримут имеющего родиться нового человека. Что бы ни мучило их в прошедшей жизни, что бы ни угнетало совесть, – великое или малое, такое, что можно сказать и чего нельзя, пусть не сомневаются, что это будет отпущено, так чтобы не удержало во вред себе сомнение людское того, что готово простить божественное милосердие.

3. Пример этого всякий пусть припомнит в событиях из истории еврейского народа, потому что апостол говорит, – что «это были образы для нас» (1Кор 10:6). О чем говорит он и что говорит? «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком... и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную

⁵ Имеется в виду какой-либо годовой праздник.

пищу; и все пили одно и то же духовное питие, ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос» (1Кор 10:1-4). Что это были образцы наши, сказал тот, кому никто из верующих никогда не противоречил. И хотя многое перечисляет он, но одному лишь предмету указывает значение, когда говорит: «камень же был Христос». Указав лишь одно, он прочее оставил для нашего обследования. Но пусть исследователь не заблуждается, пусть не отступает от Христа и, утверждаясь на камне, пусть стоит твердо. «Камень, – говорит апостол, – был Христос». Указал он, что то были образы для нас и все было сокровенно. Кто раскроет покровы образов? Кто обнажит? Кто осмелится проникнуть за них? Иногда в местах очень тенистых густая тень содействует усилению света. Камень, говорит, был Христос. Вот теперь, когда появился свет, и станем исследовать, что знаменует остальное, что значит море, облако и манна. Этого апостол не объяснил, а указал лишь, что означает камень. – Переход чрез море означает, братия, крещение. Но так как крещение или, иными словами – вода спасения не может иметь силы, если не освящается именем Христа, Который пролил за нас кровь Свою, вода поэтому и знаменуется крестом Его, и самое море было красное. Значение манны с неба ясно указывается Самим Господом. «Отцы ваши, говорят Он, ели манну в пустыне и умерли» (Ин 6:49).

Как бы могли они жить, когда образ мог лишь предуказывать жизнь, но не мог быть жизнью? «Ели, – говорит, – манну и умерли», т.е. манна, которую вкушали они, не могла освободить их от смерти; значит, самая манна не была для них смертоносна, но она не могла освободить их от смерти. Освободить же от смерти смел Тот, Кто предуказывался манной. Манна падала с неба. Смотрите, кого она знаменовала: «Я, – говорит Господь, – Хлеб живой, сошедший с небес» (Ин 6:51). Принимайте слова Господа со всем вниманием и добрым намерением, чтобы успешно могли вы читать их и слышать. «Ели, – говорит апостол, – одну и ту же духовную пищу». Что значат слова «одну и ту же», как не та, что отцы наши ели ту же самую пищу, что и мы? Чувствую, что несколько трудновато для изложения и изъяснения то, о чем я решился говорить. Но буду уповать на доброжелательство ваше. Оно пусть испросит мне помощь от Господа. «Ели, – говорит, – одну и ту же духовную пищу». Не довольно было сказать: «ели духовную пищу», а прибавляет «одну и ту же». Эти слова: «одну и ту же» не иначе можно объяснить, как ту же пищу, какую вкушаем и мы. Что же, скажет кто-нибудь, неужели эта манна была той же самой пищей, что и теперь я вкушаю? Но ничего ныне нет такого, что было тогда, и самый соблазн креста прекратился уже. Следовательно, слово «ту же» нужно понимать так, как разъяснено это далее, т.е., ту же духовную пищу. Ведь, те, кто вкушал эту манну, думая удовлетворить лишь своей телесной потребности, напитать свое чрево, а не ум, ничего особенного не вкушали. Пища была достаточной по их потребности. Но одних Бог питал, а другим нечто и предвозвещал. Первые вкушали лишь пищу телесную, а не пищу духовную. Кого же называет апостол отцами нашими, вкушавшими одну и ту же духовную пищу? Кого, братия, если не тех, которые были истинно нашими отцами, или, лучше сказать, которые всегда остаются нашими отцами? Все они живы. Правда, Господь говорит неверующим иудеям «отцы ваши ели манну в пустыне и умерли». Но кого здесь следует разуметь под словом «отцы ваши», если не тех, коим вы (т.е. иудеи, к которым обращается Господь) подражаете своим неверием, и по путям коих ходите вследствие своего неверия и противления Богу? В этом смысле Он говорит также некоторым из них «ваш отец диавол» (Ин 8:44). Ведь, никого из людей не создал диавола своею властью и не произвел посредством рождения, и однако он называется отцом нечестивых не по праву рождения, но по причине подражания ему. Наоборот, о добрых говорится: «вы – семья Авраамова» (Гал 3:29). Хотя речь обращена здесь к язычникам, которые происходили не из рода Авраамова, однако они были названы детьми Авраама не по рождению, но по подражанию. Удаляется и отчуждается от самонадеянных иудеев отец Авраам. «Если бы вы были дети Авраама, – говорит им Господь, – то дела Авраамовы делали бы» (Ин 8:39). Как дурные деревья, они вследствие своего превозношения происхождением от Авраама, с корнем вырываются, дети же Аврааму могут быть созданы по обетованию даже из камня. Итак, как в том месте, где говорится: «отцы ваши ели манну в

пустыне и умерли», разумеются те, которые не понимали, что ели, и вследствие этого непонимания принимали лишь пищу телесную, так здесь апостол называет отцами нашими не отцов неверующих, не отцов нечестивых, вкушавших и умерших, но наших отцов, отцов верующих, которые вкушали пищу духовную и, следовательно, ту же самую пищу. «Отцы наши, – говорит он, – ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье». Были там и такие, которые понимали, что вкушали. Были и такие, которые Христа более чувствовали в сердце, нежели манну во рту. Из числа таких был прежде всего Моисей, раб Бога, верный «во всем в доме Его» (Евр 3:2), знающий, что раздавать, и что предлагать нужно было тогда сокровенное в настоящем и ясное в будущем. Итак, скажу кратко: кто в манне уразумевал Христа, тот вкушал ту же, что и мы, духовную пищу. Кто же от пищи искал одного лишь телесного насыщения, тот вкушал, как отец неверующих, и умер. То же нужно сказать и о питье. Камень был Христос. Одно и то же питье пили они, что и мы, но духовное, если руководились верою, а не чувственностью только возбуждались. «Камень же был Христос». Не иной Христос тогда, а другой теперь. Один был камень, источивший воду (Исх 17:6), другой, который положил себе Иаков под голову (Быт 28:11), один агнец, которого заклали для вкушения пасхи, другой агнец, запутавшийся в кустах, коего должен был принести в жертву Авраам, когда, по повелению Божию, пожалел сына своего, коего хотел было принести в жертву (Быт 17:13). Один агнец и другой агнец, один камень и другой камень, но Христос один и тот же. Поэтому одну и ту же пищу ели отцы наши, одно и то же питье пили. Для того, чтобы истекла вода из камня, он получил удар от дерева (Исх 17:5-6). Почему от дерева, а не от железа, если не потому, что Христос распят был на кресте, чтобы приобщить нас Своей благодати? Итак, одну и ту же Пищу вкушают и одно и то же питье, но лишь разумеющие, верующие. Не разумеющим же остается одна только манна, одна только вода, т.е. пища для голодающего телесно, питье для жаждущего. Но не такая пища и такое питье для верующего, для него та же пища, что и теперь. Тогда Христос имел придти теперь Он пришел. Имеющий придти и пришедший – разные слова, но тот же Христос...

4. Далее сказать я хочу вам о сомнении раба Божия Моисея. И это у древних святых также служило образом. Усомнился относительно воды Моисей; когда ударил жезлом по скале, чтобы из нее истекла вода, заколебался. Читая о его колебании, иной, пожалуй, не остановится на этом месте, но постарается вникнуть в него не захочет и спросить об этом. Господу Богу, однако, не угодно было такое колебание, и Он не только обличил за это Моисея, но и наказал его. Именно вследствие этого сомнения сказано было Моисею (и Аарону): «не введете вы народа сего в землю, которую Я даю ему» (Чис 20:12), и еще: «умри на горе, на которую ты взойдешь» (Втор 32:50), Здесь Бог является, как видите, разгневанным. Но неужели на Моисея, братья мои? Неужели весь труд его, все его беспокойство за народ, вся любовь его, когда он говорил «прости им грехи их; а если нет, то изгладь в меня из книги Твоей» (Исх 32:32), – все это осуждено за одно случайно, неожиданное колебание? И что же значат слова, коими закончил чтец апостольское чтение, что «любовь никогда не перестает» (1Кор 13:8)?

Хотя я уже наметил было для разрешения другое, усердие ваше побудило меня однако поставить нечто, чего, может быть, вы не ожидали. Рассмотрим же и, насколько возможно, постараемся уразуметь тайну. Вот, гневается Бог, говорит, что он (Моисей) не введет народа в обещанную землю; повелевает, чтобы он взшел на гору и умер. И в то же время многое поручает сделать тому же Моисею: указывает, что сделать, как распределять народ, чтобы не оставлять его и там, и сям – кое-как. Никогда Он не поручил бы этого осужденному. Обратите внимание еще и на другое, более удивительное. Так как сказано было Моисею, что он не введет народа в обещанную землю (что угодно было Господу ради некоторой тайны и в целях назидания), избирается на его место другой – Иисус Навин, именованный Осией (Чис 13:17). И так как ему Моисей поручил ввести народ в землю, он переименовал Осия и назвал его Иисусом, чтобы не чрез Моисея, но чрез Иисуса, т.е. не чрез закон, а чрез благодать народ Божий вступил в землю обетования. И как Иисус тот был

не истинным, но служил образом, так я та земля обетования была не истинной, но являлась образом истинной. Для того народа она была временной, земля же обещанная нам, будет вечной. На временных образах обещалось и преуказывалось вечное. Итак, тот Иисус не был истинным Иисусом, я та земля не была истинной, но служила прообразом; так и манна не была истинной, небесной пищей, не служила прообразом, так и камень не были истинно Христом, а только прообразом, так и все прочее. Что же нужно думать о сомнении Моисея? Нет ли для разумеющего и тут какого-нибудь образа? Не подвигнет ли и не побудит ли это дух наш к исследованию? Вижу, что и после того сомнения, и после гнева и угроз смерти, после отнятия нрава ввести народ в землю обетования, Бог многое открывает Моисею, как другу, как и ранее открывал Самому Иисусу Навину Моисей ставится в пример послушания, и в том увещевает его Господь, чтобы он служил Ему так же, как Моисей служил, обещая быть с ним, как с Моисеем. Ясно, возлюбленные, что Господь Сам вразумляет нас, чтобы не упрекали мы напрасно Моисея, но старались уразуметь его сомнение. Образом был камень, образом служил жезл, коим ударил Моисей по нему, образом служила вода истекшая, образом же явился и Моисей, сомневающийся. Усомнился он в то время, когда ударил. Тогда явилось сомнение у Моисея, когда дерево приблизилось к скале. Вот уже догадливые предупреждают нас, но пусть однако терпеливо подождут они ради других, медлительных. Усомнился Моисей, когда дерево приблизилось к скале, поколебались и ученики, когда увидели Господа распятого. Образом их и был именно Моисей, образом Петра, трижды отрекшегося. Почему Петр усомнился? Потому что дерево приблизилось к камню. Когда род смерти Своей, т.е. крест Свой, предсказал Господь, Петр в ужасе воскликнул «Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф 16:22). Стал сомневаться он, когда увидел, что скале угрожает жезл. Ведь, ученики Господа теряли в таком случае надежды, которые возлагали они на Господа. Надежды эти как бы отняты были у них, когда они увидели Его распятого, когда скорбели о Нем, умершем. Вот, встречает их Господь, после воскресения, печально беседующих между собою о всем случившемся; но удерживает глаза их, так что они не узнали Его; не удаляясь от верующих, но отстраняя на некоторое время колеблющихся, Он, как незнакомец, присоединялся к разговору их и спросил, о чем они беседуют. Дивились ученики, что один Он не знает, что случилось с Тем, Кто спрашивает их «неужели Ты один из пришедших в Иерусалим, не знаешь о происшедшем в нем?» И вспомнили, что было с Иисусом. Тотчас стали излагать, они сущность скорби своей и показывать, не зная того сами, рану свою врачу. «А мы, – говорят они, – надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк 24:13-21). Так явилось сомнение вследствие того, что дерево соединилось с камнем и, таким образом, исполнился прообраз Моисея.

5. Теперь рассмотрим слова: «умри на горе, на которую ты взойдешь». В телесной смерти Моисея преуказывается конец всякого сомнения, но на горе. О дивное таинство! Однако, выяснение и раскрытие этого насколько приятнее самого таинства! Около скалы родилось сомнение, на горе оно умерло. Когда Христос был унижен в страдании и, как камень, лежал перед взорами всех, естественно, последователи Его усомнились в Нем, потому что унижение то ничего великого не показывало. Естественно, унижение это сделалось камнем преткновения. В воскресении же Господь явился прославленным, великим, как бы горою. Итак, пусть сомнение, которое обнаружилось при скале, умрет на горе. Пусть познают ученики спасение свое, пусть воззовут надежду свою. Обрати внимание, как умирает сомнение это, посмотри, как умирает Моисей на горе. Пусть не входит он в обетованную землю, не хотим, чтобы там было сомнение, пусть умрет оно. Пусть покажет нам Христос смерть этого сомнения. Испугался Петр и трижды отрекся, потому что Христос был как бы камнем. Но воскрес Он и стал как бы горою, утвердил Петра, и сомнение окончилось. Каким образом прекратилось сомнение? «Симон Ионин, любишь ли ты Меня» (Ин 21:15)? Сердцеведец спрашивает и хочет услышать, что Его любят. И не довольно одного раза. Спрашивает и выслушивает опечалившегося Петра. Удивляется Петр, что испытывает его Всеведущий, и что столько раз спрашивает, когда достаточно было бы

одного ответа даже и для того, кто не может знать. Но Господь как бы говорит ему: «Я жду, пока не исполнится законное число: трижды пусть исповедуется в любви тот, кто трижды отрекся из-за боязни». Бог, вопросив столько раз Петра, Господь тем самым и положил конец сомнению на горе.

6. Но зачем, возлюбленные, нам нужно раскрывать все это? Ведь, не для обмана, но для пользы нашей сокрыто было оно. И не с таким любопытством приступали бы мы к чтению Писания, если бы оно всегда было ясно. Однако, пусть обратятся назад несколько те, которые имеют намерение приступить к крещению, к коим я обращался с речью в начале беседы. Море красное – это крещение, коим крестился перешедший через него народ. Переход был крещением, но в облаке. Пока облаком прикрывалось то, что предвещалось; пока сокровенным было то, что обещалось. Только теперь сокрылось облако, и обнаружившаяся истина стала ясной, потому что снят уже покров, через который беседовал Моисей. Покров этот (завеса) был и в храме, чтобы сокровенное храма оставалось недоступным для зрения. Но в момент смерти Господа завеса разорвалась, чтобы стало ясным дотоле сокрытое. Итак, приходи ко крещению. Бестрепетно вступай в путь чрез море Чермное. Не бойся прежних грехов, как бы преследующих египтян. Давили тебя грехи твои тяжелым бременем рабства, но в Египте, в любви этого века, в странствовании далеком; заставляли тебя там гнаться за земными интересами, делать как бы кирпичи, и совершал ты дела постыдные. Давят тебя грехи, – приходи спокойно ко крещению. До воды может преследовать тебя враг, а потом умрет. Бойся чего бы то ни было из прошедшей жизни. Знай, что нечто останется от твоих грехов, если останется что-либо из египетского. Слышу голос беспечного: «я, – говорит, – о прежних грехах не беспокоюсь». Не сомневаюсь, что все мне отпустится в святой воде по благопопечительности церкви. Но боюсь будущих грехов. Итак, неужели нравится тебе оставаться в земле Египетской? Бегай от врага, который тебя притеснил и поработил. Что помышляешь о врагах в будущем? Что ты уже сделал, это остается, хотя бы ты и не хотел того, а о чем думаешь, того, если захочешь, не будет. Но опасен дальнейший путь, и когда я перейду Чермное море, еще не буду в обетованной земле: ведь, народ тот еще веден был через большую пустыню. Однако, старайся избавиться от рабства египетского. И неужели, думаешь ты, не будет помогать тебе в пути Тот, Кто извлек тебя из великого плена? Неужели не будет укрощать новых врагов твоих Тот, Кто избавил тебя от древнего врага? Только бестрепетно вступай на этот путь, бестрепетно иди и будь послушен. Не досаждай Тому Моисею, образ Кого в своем послушании носил этот (первый) Моисей. Справедливо, что нет недостатка во врагах. Как были враги, преследовавшие уходящих евреев, так были такие, которые задерживали их во время пути. Во всем, возлюбленные, они служили прообразом для нас. Но да не будет в тебе того, что огорчало Моисея. Не будь горькой водой, которой народ тот после перехода чрез Чермное море не мог пить. Были и там испытания. И теперь, когда случается подобное, когда люди ропщут, мы указываем им на Христа, указываем, что перенес Он за нас, как пролил кровь, и они утихают, как если бы мы бросили в воду кусок дерева. Несомненно, и ты будешь иметь на пути угрожающего тебе Амалика. Тогда молился Моисей, простирал свои руки. Как только опускал он свои руки, одолевал Амалик, а когда снова простирал, Амалик становился слабее. И твои руки пусть будут простерты. Пусть слабеет Амалик, искуситель и враг твой на этом пути. Будь бодр и трезв в молитвах и в добрых делах во имя Христово, потому что те простертые руки знаменовали крест Христов. На нем простирается апостол, когда говорит: «для меня мир распят, а я для мира» (Гал 6:14). Пусть же слабеет Амалик, пусть побеждается и не препятствует шествию народа Божия. Если опустишь руки от доброго дела, от креста Христова, возобладает Амалик. Однако, не будь самонадеян и не впадай в отчаяние. Чередование мужества и слабости в руках раба Божия Моисея, может быть, служило образом твоей переменчивости. Иногда в искушениях ты ослабеваешь, но еще не падаешь. Опускал немного руки Моисей, но не падал совсем. «Когда я говорил: «колеблется нога моя», – милость Твоя, Господи, поддерживала меня» (Пс 93:18). Итак, не бойся. Есть на пути тебе

Помощник, Который явился избавителем в Египте. Не страшись, начинай путь; смотри вперед спокойно. Иногда Моисей опускал руки, иногда поднимал, однако, Амалик был побежден (Исх 17:11,13). Мог он возобновлять войну, но не мог одержать победы.

7. Перейдем теперь к беседе о другом роде покаяния, Три вида его в Священного Писании усмотрел я. Первый относится к вступающим в Церковь и желающим приступить ко крещению. О нем я сказал. Но есть еще другое покаяние – ежедневное. Чем же можем показать мы необходимость этого ежедневного покаяния? Не другим чем, как той ежедневной молитвой, молиться которой научил нас Господь, и в которой, показывая, с какими словами следует нам обращаться к Богу, Он приводит, между прочим, следующие слова: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф 6:12). Какие же эти долги, братия? Так как нельзя понимать здесь других долгов, кроме грехов, то неужели опять просим, чтобы Господь отпустил нам грехи, отпущенные в крещении? Ведь, мертв уже всякий преследовавший нас египтянин. И если ничего не осталось от преследовавших врагов, почему молимся мы, как не потому, что ослабевают руки наши против Амалика? «Прости нам долги наши, как и мы прощаем». Указал Господь средство и вместе утвердил договор. Указывает молитву и отвечает молящемуся; знал Он, как делается на небе, я как можно просить о своих желаниях. Хочешь, чтобы были оставлены долги? Оставляй и сам. Что задумываешься послужить Богу, от Которого сам хочешь воспользоваться услугами? Однако, разве Христос ходит теперь по земле? Разве принимает Его теперь в дом свой радующийся Закхей (Лк 19:6)? Разве приготовляет для Него гостеприимство и обед Марфа (Лк 10:40)? Ни в чем таком теперь Он не нуждается, сидя одесную Отца. Но «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40), говорит Господь. Это есть именно то простиание рук, во время которого Амалик слабеет. Вот тратишься ты на бедного, когда даешь голодающему. Может и меньше будет у тебя того, из чего даешь, но в доме, а не на небе. Однако, и здесь, на земле, восполнит недостающее у тебя Тот, повеление Которого ты исполнил. Об этом апостол говорит «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами» (2Кор 9:10). Работником Божиим являешься ты, когда даешь нуждающемуся; зимою сеешь, чтобы пожать потом летом. Итак, что боишься, маловерный, того, что в этом великом доме столь Великий Домовладыка прокормит делателя Своего? Будет и здесь у тебя все, сколько нужно тебе. Даст Бог все потребное для удовлетворения необходимой нужды твоей, но не для удовлетворения страстей. Работай же без смущения, простирай руки, и пусть ослабевает Амалик. Правда, в том случае, когда даешь что-нибудь, уменьшается, как я сказал уже, имение твое: не видишь уже в доме твоём, что дал ты, пока снова того не подаст Господь. Но скажи мне, что теряешь ты, когда прощаешь от сердца? Когда прощаешь тому, кто согрешает против тебя, что уменьшается в твоём сердце? Прощаешь ты, но ничего не теряешь. Напротив, некоторая как бы волна любви была в твоём сердце, протекала там. Имея же ненависть к брату твоему, ты заткнул источник ее. Не только ничего не теряешь ты, когда прощаешь, но еще обильнее орошаешься. Любовь не страдает от этого (*non angustatur*). Сам ты полагаешь там для себя камень преткновения и себе самому досаждаешь – «Я, – говоришь, – постою за себя, отмщу, я покажу ему, я сделаю то-то»; волнуешься, страдаешь ты, коему следовало бы прощать и быть спокойным, спокойно жить, спокойно молиться. Итак, как же будешь поступать ты? Вот, будешь ты молиться. Не стану спрашивать, когда, – сегодня станешь молиться. Или не будешь молиться?! Исполнен ты гнева и ненависти, грозишь наказанием, не прощаешь от сердца. Но вот молишься ты, вот наступает час молитвы, начинаешь ты слушать или говорить слова те. Когда будут сказаны или услышаны первые слова, дойдешь и до последующих. Потому что, куда же более идти? Или хочешь бежать от Христа, только бы не прощать врагу? Но если не захочешь говорить этих слов молитвы: «и прости нам долги наши», потому что не можешь сказать «как и мы прощаем должникам нашим», чтобы не получить тебе в ответ «поступаю с тобой, как и ты поступаешь», – итак, если пропустишь эти слова и будешь продолжать: «и не введи нас во

искушение», тут то и поймает тебя кредитор твой, которого избегал ты, подобно тому должнику, который, встретив на улице человека, которому должен, оставляет дорогу, которой шел, лишь бы не видеть лица своего заимодавца. Это же думаешь ты сделать и в данном случае, стараясь опустить слова: «и прости, ... как и мы прощаем», не желая говорить их, избегая лица своего заимодавца. Но кого избегаешь ты и кто ты, избегающий? Куда пойдешь ты, и где то место, где бы Его не было? Скажи: «куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю, – и там Ты». Куда бы лучше должнику убежать от Христа, как не сойти в преисподнюю? Но и там Он. Что, наконец, сделаешь, если не то, что следует далее: «возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря» (Пс 138:7-9), т.е. буду в уповании своем помышлять о кончине века, буду жить в заповедях твоих и поднимусь на двух крыльях любви. Возьми эти два крыла любви. Возлюби ближнего твоего, как самого себя, и не имей ненависти, вследствие которой хочешь бежать от своего заимодавца (creditorem).

8. Остается еще третий род покаяния, о чем нужно нам хоть кратко поговорить, чтобы, при помощи Божией, исполнить предположенное и обещанное. Есть покаяние более тяжкое, более глубокое, которому подвергаются особые грешники, удаляемые от таинства алтаря, чтобы недостойным получением тайн не принимать их в осуждение себе. Покаяние это тяжелое. Тяжела рана. Может быть совершенно прелюбодеяние, может быть – убийство, может быть – какое-либо святотатство, – тяжкое дело, тяжелая рада, гибельная, смертоносная. Но всемогущ Врач. После измышления проступка, после соуслаждения им и согласия на него, после его исполнения грешник уже смердит, как четверодневный Лазарь. Однако же Господь не оставил его, но воскликнул «Лазарь! иди вон!» уступила голосу милосердия пещерная мгла, уступила смерть жизни, уступило низшее высшему. Пробужденный Лазарь вышел из гроба, но был связан, как люди в сознании греха своего совершающие покаяние. Уже пробудились они от смерти; не сознавали бы они грехов своих, если бы не пробудились. Сознать грех – вот что значит выйти из пещеры, из мрака. Но что же однако говорит Господь церкви Своей. «Что, – говорит, – разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18). Итак, когда Лазарь вышел вон, Господь исполнил здесь дело милосердия Своего, приводя в сознание погребенного уже и смердящего мертвеца; остальное уже относится к обязанности священноначалия церковного, именно – слова: «развяжите его, пусть идет» (Ин 11:39-44). Но, возлюбленные, избегайте необходимости прибегать к этой степени покаяния; всякий так пусть ведет себя, чтобы не падать так глубоко. Однако, если кому придется совершат такое покаяние, пусть не отчаивается. Иуду, предателя погубило не столько самое преступление, сколько отчаяние. Не был достоин он милосердия Божия, а потому и не пришло ему в мысль прибегнуть к милости Того, Кого предал, подобно тем, которые распяли Его, но отчаянием погубил себя, повис на веревке и удавился. Что сделал он с телом своим, это же случилось и с душою его. Духом называется, ведь, и дыхание этого воздуха. И как те, которые, сдавливая себе горло, умертвляют себя, потому что невозможным становится для них дыхание воздухом, так же точно и отчаявшиеся в милости Божией, этим отчаянием внутренне убивают себя, так что окончательно прекращают общение с Духом Святым.

9. Но язычники обыкновенно упрекают христиан в покаянии, которое установлено церковью; а также и против некоторых еретиков церковь католическая вынуждена была подтверждать истину о покаянии. Потому что были такие среди христиан, которые говорили, что для некоторых грехов не может быть покаяния. Но они отлучены от церкви и стали еретиками. Святая церковь не утрачивает своего великодушия, как бы велики ни были грехи людей. Но за это обычно язычники упрекают нас, не разумея, что говорят, так как не знают Слова Божия, которое и язык младенцев делает красноречивым. «Вы, – говорят они, – помогаете людям грешить, когда обещаете им прощение, если покаются». Оно (покаяние) будто бы развращает, а не назидает. К этой мысли сводят они все свои речи, болтая языком

своим, и когда мы доказываем обратное, они, хотя и остаются побежденными, однако не соглашаются. Как побеждаются они, об этом кратко пусть выслушает любовь ваша, потому что милосердием Своим Господь все прекрасно устроил в церкви Своей. Говорят, что мы даем простор греху, тем как указываем убежище для него в покаянии. Но если бы закрыт был доступ к покаянию, разве тогда грешник не стал бы умножать грехи свои, по мере своего отчаяния в том, что они будут прощены? Он сказал бы: «вот согрешил я, сделал преступление, нет уже мне надежды на прощение; покаяние бесполезно. Я буду осужден. Почему же не жить мне, как хочется? Так как там (в будущей жизни) я не встречу любви, по крайней мере хоть здесь удовлетворю страсть свою. К чему мне воздерживаться? Там место закрыто для меня; что бы ни сделал я здесь, равно напрасный труд. Потому что той жизни, которая обещается после этой, не будет для меня. Почему же не служить мне своим похотям, почему не исполнять и не насыщать их, почему не делать того, что, хотя и не дозволено, но зато приятно? Но, может быть, кто-либо скажет ему: «несчастный! ты будешь схвачен, обвинен, подвергнешься истязанию и мукам за преступления». Однако знают дурные люди, что отвечать и именно отвечают многие это. «Ведь грехи многих, дурно, преступно живущих, – говорят они, – остаются ненаказанными: можно также укрыться или откупиться, когда нельзя скрыться, и до самой старости таким образом проводить жизнь веселую, позорную, порочную, пагубную. Вот, – говорят они, – такой-то, проводил порочную жизнь, не в старости ли умер»? Но разве не знаешь ты, указывающий на это, что потому тот грешник и преступник умер в старости, что Бог хотел на нем показать Свое долготерпение, ожидая его покаяния? Поэтому и апостол говорит: «или пренебрегаешь богатством долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? Но по упорству твоему и нераскаянному сердцу ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим 2:4-6). Нужно, чтобы боязнь этого суда Божия не выходила из мысли нашей, нужно, если ты не хочешь грешить, помнить о присутствии Божиим не только в месте собрания, но и дома, не только дома, но и на ложе твоём, ночью на постели твоей, в сердце твоём. Итак, если отнимешь убежище покаяния, умножаются грехи вследствие отчаяния. Вот и безответны уже те, которые утверждают, что могут умножаться грехи по той причине, что христианская вера дает убежище для грешника в таинстве покаяния. Кроме того, неужели Бог не мог предусмотреть, что чрез надежду на прощение грехи будут умножаться? Но как позаботился Он о том, чтобы вследствие отчаяния они не увеличивались, так предусмотрел и обратное, т.е., чтобы грех не усиливался вследствие излишней надежды. Действительно, как может умножать грехи человек, отчаявшийся, так может делать это и тот, кто надеется на прощение. Последний может говорить себе: буду делать так, как хочу; милостив Бог; – когда обращусь к Нему, Он простит мне. Но так уверенно говорить мог бы он в том лишь случае, если бы завтрашний день был известен ему. Но разве этому учит тебя Писание, когда говорит «не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдет гнев Господа, и ты погибнешь во время отмщения» (Сир 5:8-9)? Вот, в том и в другом случае позаботилось о нас Провидение: чтобы вследствие отчаяния мы не умножали грехов, дано нам убежище покаяния, а чтобы не делали того же вследствие излишней надежды, остается сокрытым для нас день нашей смерти.

Похвала миру (*De laude pacis*)⁶

1. Насколько Бог поможет силам нашим, время, братия, обратиться к любви вашей с увещанием о любви к миру и просить Господа о мире. Итак, пусть мир будет близок и любезен нам. С ним пусть будет чистым ложе нашего сердца. С ним пусть отдых будет спокойным и сотоварищество не тяжким. С ним пусть будет сладким единение и неразрывной дружба. Восхвалять мир труднее, нежели иметь его. Потому что, если мы хотим хвалить мир, ищем себе сил и возбуждающих нас чувств, произносим слова; если же хотим иметь мир, то без всякого труда имеем и владеем. Нужно прославлять тех, которые любят мир. Тех же, которые ненавидят его, лучше умирить научением или молчанием, чем раздражать порицанием. Кто истинно любит мир, любит и врагов его. Подобно тому как, если ты любишь этот свет, ты не сердись на слепых, но скорбишь о них, потому что знаешь, каким благом владеешь, и потому кажутся они тебе, знающему, какого блага лишаются, достойными сострадания, так что, если бы имел ты средства, искусство или лекарство, скорее стал бы лечить их, а не осуждать, так точно, если ты любишь мир, кто бы ты ни был, сострадай тому, кто не любит, что ты любишь, кто не имеет того, что ты имеешь. Таков именно предмет, который любишь ты, что ты не завидуешь твоему совладельцу. Имеет он мир с тобою и твоего владения не стесняет. Что бы земное ни любил ты, трудно не позавидовать имеющему то. Если бы захотел ты землю, которую имеешь, владеть сообща с другом, стремясь к тому, чтобы восхваляли твою доброту, и чтобы любовь прославлялась и в этом случае (*ut etiam in istis temporalibus rebus charitas praedicetur*), если бы, говорим, захотел ты земным достоянием твоим, – помещьем, домом или чем-либо подобным, – владеть вместе с другом твоим, – то, вот, предположим, владеешь ты с одним, допуская его до соучастия с тобою, и радуясь с ним. Помышляешь, быть может, принять еще третьего соучастника и четвертого. Соображаешь, сколько может принять, сколько может вместить дом ли для жительства в нем, или поле для пастбища, – и говоришь: «пятого уже нельзя принять, шестой не может жить с нами, а седьмого как можно поместить на столь небольшом участке»? Итак, не ты, а самая теснота исключает прочих. Но люби мир, имей мир, владей миром, и принимай к себе, сколько хочешь, во владение. Тем обширнее делается оно, чем больше владельцев. Дом вещественный не может вместить многих сожителей; владычество же мира возрастает с увеличением числа пребывающих в нем.

2. Как хорошо, братия, любить! Потому что это значит и иметь. Кто не хочет, чтобы умножалось то, что он любит? Если хочешь, чтобы немногие были в мире с тобой, мал будет мир у тебя. Если хочешь, чтобы возрастало твое владение, прими и еще владетеля. Ведь, как утешительно то, что сказал я, братия, что хорошо любить мир, и что любить его значит вместе и иметь? Какой голос может восхвалить и какое сердце может прочувствовать это, т.е. что любить значит и иметь? Подумай только о другом, к чему люди пылают своей страстью. Смотри, иной любит земли, серебро, золото, хочет иметь много детей, дорогие и красивые дома, живописные и дорогие усадьбы. Любит он это? Любит. Но разве уже и имеет, если любит? Может случиться, что он так и останется пустым любителем всего этого. Когда не имеет он, то любит, горит страстью, чтобы иметь. Когда будет иметь, мучится страхом, как бы не потерять то. Любит человек почет, любит власть. Но сколь многие люди вздыхают наедине о получении власти? И большею частью так и застают их последний день (день смерти), прежде нежели достигнут они того, чего желают. Как же много, следовательно, значит это: любить и вместе иметь? Не за деньги в этом случае покупаешь ты то, что любишь. Не идешь к какому-либо покровителю, чтобы получить то. Вот на этом месте, где стоишь ты, люби мир, и у тебя есть уже то, что ты любишь. Это есть достояние сердца. Не так ты владеешь миром с друзьями, как, например, хлебом. Когда хочешь поделиться хлебом с другими, чем больше тех, кому дается, тем меньше становится та, что

⁶ Беседа, сказанная в Карфагене, в виду предстоящей беседы с донатистами, в 411 году, около 15 мая.

дается. Мир же подобен тому хлебу, который умножался в руках учеников Господних при преломлении и раздаянии.

3. Имейте же мир, братия. Если желаете других привлечь к нему, имейте сначала сами, сами прежде владейте им. Пусть пламенеет в вас то, что имеете, чтобы и других могло воспламенить оно. Ненавидит мир еретик, как и страдающий глазами ненавидит свет. Но неужели плох оттого свет, что страждущий глазами не может выносить его? Хотя и не выносит больной глазами света, однако же глаз создан для света. Те, которые любят мир и хотят владеть им вместе с другими, естественно, стараются, чтобы с увеличением числа владельцев возрастало и самое владение. Пусть же стараются они, чтобы исцелились глаза страждущих, каких бы это ни стоило средств и усилий. Против воли врачуется больной, не хочет, пока врачуется, но как только увидит свет, радуется. Но не забывай, что он сердится. Не льсти себя большими надеждами. Ты, любитель мира, сам сначала проникайся миром, услаждайся красотой того, что полюбил, и затем возбуждайся уже к тому, чтобы увлечь другого. Пусть видит он то, что ты видишь; пусть любит, что ты любишь, владеет тем, чем и ты. Вот обращается к тебе возлюбленная твоя, которую любишь ты, и говорит «люби меня и тотчас будешь иметь меня». Приводи с собой, кого можешь, к любви моей. Я буду чистой и останусь неповрежденной. Приводи, сколько можешь; пусть приходят, владеют и наслаждаются мной. Если свету этому не вредят многие смотрящие, мне ли повредят многие любящие меня? Но не хотят они приходиться, потому что не знают, как увидеть меня. Не хотят придти, потому что блеск мира смывает нагноение вражды. Обрати внимание на несчастный крик страждущих слепотой. Вот возвещается им: необходимо, чтобы христиане имели мир. Услышав эти слова, они говорят между собою: «горе нам». Почему? Наступает единение. Так что же? и что это значит «горе нам, наступает единение?» Не лучше было бы говорить: «горе», когда наступает разделение? Но пусть не будет этого, пусть не будет разделения. Это – мрак для видящих. Наступает единение, и нужно радоваться тому, братия. Чего испугался ты? Сказано, что наступает единение. Разве сказано, что приближается зверь или огонь? Единение приходит, свет приходит. Если бы он захотел быть правдивым, то сказал бы вам «не того я испугался, что зверь приближается; я не труслив. Но оттого я испугался, что свет приходит, так как глаза у меня больные (*lippus enim sum*). Итак, пусть приложено будет старание к исцелению их. При помощи Божией, насколько хватает сил у нас, нужно постараться, чтобы вместе владеть с ними тем, что вследствие совместного владения не делается меньшим.

4. Поэтому, возлюбленные, увещаю любовь вашу оказывать по отношению к ним, т.е. к заблуждающимся, истинную христианскую кротость. Теперь нужна настойчивость для извлечения их (*nunc curandis instatur*). Воспалены глаза болящих. Нужно лечить их осторожно и обходиться нежно. Никто пусть не затевает тяжбы с кем-либо из них, никто пусть не стремится защищать даже веры своей посредством спора, чтобы из спора не зарождалась искра вражды, и чтобы ищущим повода к этому не представлялся повод. Вообще, если слышишь брань, терпи, не показывай вида, иди мимо. Помни, что нужно лечить. Знаете, как ласковы врачи бывают с теми, кого серьезно (*mordaciter*) лечат. Выслушивают они брань, но дают лекарство и не отвечают на брань бранью. Следует помнить, что один лечит, а другой должен быть излечен, и не должно препираться. Терпите, братия мои, умоляю вас, «Но я не выношу – скажет кто-либо, – когда он злословит церковь». Но о том и просить тебя церковь, чтобы ты переносил, когда поносятся она. «Поносить он, – скажешь, – епископа моего. На епископа моего возводить обвинение, и стану ли молчать я?» Пусть говорит обвинение, но ты молчи, не вследствие согласия с ним в том, а из-за терпения. Этим окажешь услугу и епископу, если до времени не будешь заступаться за него. Соображай время, имей рассуждение. Ведь, и Бога твоего как злословят иногда? Неужели ты слышишь, а Он не слышит? Неужели ты знаешь, а Он не знает? И, однако, «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и

неправедных (Мф 5:45). Показывает Он терпение и отлагает могущество. Так и ты знай время и не приводи воспаленные глаза в большее раздражение. Любишь ты мир? Будь блажен с ним в сердце своем. «Но что же мне делать?» – спросишь. Есть, что делать. Забудь о распрях и обратись к молитвам. Не отвечай бранью бранящему тебя, но молись за него. Хочешь ты обратиться к нему против него, – но обращай за него к Богу. Не говорю тебе, чтобы безмолвствовал ты, но предпочитай более обращаться к Тому, с Кем беседуешь, молча, когда уста закрыты и раздается лишь голос сердца. И тогда, когда не видит тебя хулиитель тот, будь добр к нему. Ему, не любящему мира и желающему препираться с тобой, отвечай миролюбиво: «что хочешь, говори, сколько угодно ненавидь, и как угодно презирай, но ты брат мой». Зачем так поступаешь, что становишься как бы не братом мне? Хороший ли ты или дурной, добрый или недобрый, но ты брат мой. Пусть он говорит, что не брат тебе, а недруг, враг. «Хотя говоришь ты так, отвечай ему, однако, ты брат мой». Кажется, удивительным вот он ненавидит, хулит и все-таки брат твой?! Но неужели мне верить ему, не знающему, что говорит? Я желаю ему здоровья, чтобы он видел и признал своего брата. Итак, нужно ли, чтобы я верил ему, что я не брат ему, потому что он поносит, потому что ненавидит, ему верил, а не Самому Свету? Послушаем, что говорит этот Свет. Читай у пророка: «услышите глагол Господень, трепещущие перед словом Его». Это Дух Святой говорит чрез Исаию пророка: «выслушайте слово пророка, боящиеся слова Его: рцыте, братия, ненавидящим вас и гнушающимся». Что же? вот засиял свет, показал братство, а слепец говорит еще: «закрой окно». Обрати же к свету глаза твои, познай брата, стоящего вне, ты, пребывающий во мраке, и скажи спокойно: «Божии это слова, не мои слова». Рцыте, братия, говорит Господь, ненавидящим вас. Кому братия вы? Тем, кто ненавидит вас. Нет ничего удивительного сказать: тем, которые любят вас, – но братья тем, которые вас ненавидят и гонят. Почему это? Слушай и узнай причину. Спроси как бы Самого Господа Бога Твоего и скажи: Господи! как могу назвать братом моим того, кто ненавидит, кто бесчестит меня? Скажи, почему? «Да имя Господне прославится и явится в веселье их, и они посрамятся» (Ис 66:5). Вот почему умоляю я о терпении, о такой кротости. Братья они ваши. – Почему? Чтобы прославлялось имя Господа. Почему же не признаёт он тебя братом? Потому что имя людей прославляет их⁷), Итак, скажи ему: хотя ты ненавидишь меня, хотя поносишь, однако, ты брат мой. Познай в себе образ отца моего. Дурной ли ты или хороший, ты брат мне. Ведь, и ты, как и я говоришь: «Отче наш, сущий на небесах!» (Мф 6:9). Одно говорим мы, почему же не соединиться нам? Прошу тебя брат, вникни в то, что говоришь со мною, и осуди то, что делаешь против меня. Обрати внимание на слова, выходящие из уст твоих. Слушай не меня, а себя. Помни, пред Кем говорим «Отче наш, сущий на небесах!» Не друг и не сосед твой, но Сам Бог, к Кому обращаемся мы с этими словами, повелевает нам быть в согласии. Вместе говорим мы пред Отцом одним голосом. Почему же не имеем мы вместе и одного мира?

5. Говорите это пламенно, говорите кротко. Говорите, горя огнем любви, а не негодованием раздора, и просите с Нами Господа, соединяя это с обычным воздержанием. Что ни воздаем мы Господу, будем воздавать, имея в виду и это обстоятельство. Вот, после Пятидесятницы мы, обыкновенно, постимся. Впрочем, мы постились бы, конечно, хотя бы и не было этого довода. Итак, что же мы обязаны делать для братьев наших, коих в имени Господа нашего, Врача нашего, хотим принять на излечение и исправление, когда Ему предоставляем излечение их, а не себе присваиваем искусство врача? Но что делать нам? Будем просить Самого Врача, постясь со смирением сердца нашего, с благочестием во взаимной братской почтительности. Явим пред Богом благочестие, а братьям – любовь. Пусть умножаются благодеторения наши, коими споспешествуются наши молитвы. Будьте странноприимны. Теперь время для этого, так как собираются отовсюду рабы Божии. Время теперь для этого и повод есть, зачем пропадать ему? Наблюдай, что есть у тебя дома, в

⁷ Мысль та, что, называя другого своим братом, еретик (в данном случае – донатист), тем самым, по своему мнению, как бы прославляет его.

столовой. Не забывай откладывать ничто для себя и в ту небесную сокровищницу, где ты только и можешь найти спокойствию себе. Откладывай туда, вверяй не рабу твоему, а Господу. Неужели боишься, что и там вор подкрадется, и там найдет грабитель, и там похитит жестокий враг? Старайся же делать так, чтобы было потом за что воздавать тебе. Гораздо более получишь ты по сравнению с тем, что положишь. Кредитором хочет иметь тебя Бог, но Своим, а не кредитором твоего ближнего.

О мире и любви

1. Попечению нашему о вас, о врагах наших и ваших, о спасении всех, о тишине, об общем мире, о единении, которое заповедал Господь и которое любит Господь, пусть вспомоществует молитвы святости вашей, чтобы чаще об этом могли мы говорить вам и радоваться вместе с вами. Потому что о мире и любви всегда должны мы говорить, если всегда любим. И особенно в такое время, когда мира так ищут, и на пороге обладания им стоят те, которым мы не воздаем за зло злом, и с которыми, как говорится в Писании, мы мирны, когда они ненавидят нас, которые хотят быть в войне с нами, когда мы говорим им о мире (Пс. 119:7). Они стоят на распутье между любовью к миру и чувством стыда. Не желая быть побежденными, они вовсе однако не избегают поражения. Не желая быть побежденными истиной, они побеждаются заблуждением. О, если бы взяла верх над ними любовь, а не гордость! Тогда сделались бы они победителями, когда были бы побеждены. Мы же любим, признаём и защищаем Церковь католическую, к согласию и единению с которой призываем врагов ее, в силу Божественных повелений. Но что делать с тем, который защищает часть и идет против целого? И разве не добро – быть побежденным тому, который, если будет побежден, владеть будет всем, а если победит, или точнее, если подумает, что победит, должен довольствоваться только частью? Ведь, ничто не побеждает, кроме истины. Сила же (victoria) истины в любви.

2. Но зачем, братия, говорить мне много от себя самого о Церкви католической, плодоносящей и возрастающей по всему кругу земли? Имеем мы в защиту ее слова Самого Господа. «Господь, – говорится в псалме, – сказал Мне «Ты – Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе» (Пс 11:7-8). Зачем же, братия, спорить нам о владении, и не лучше ли читать эти священные страницы? Представим, что мы пришли к судье. Спор у нас о владели землей и спор мирный. Один тяжущийся ратует за то, чтобы удалить соперника своего, мы же за то, чтобы принять его. Первый, когда услышит слова противника: хочу владеть, – отвечает: не принимаю. А я говорю брату: хочу, чтобы и ты владел со мною; тот же, возражая, отвечает: не хочу. Не боюсь я, что Господь упрекнёт меня и устыдит, как тех братьев или того брата, который из народа зывал к Нему и говорил «Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство» (Лк 12,13). Господь тотчас высказал упрек ему, потому что ненавидел разделение. «Кто, сказал Он, поставил Меня судить или делить вас?.. Смотрите, берегитесь любостязания» (ст. 14-15). Такого упрека я не боюсь. Взываю я к Господу моему, признаюсь, взываю. Однако, не говорю: «Господи! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство». Не говорю: Господи! скажи брату моему, чтобы был он в единении со мною. Вот я читаю свидетельство об этом спорном владении, но не для того, чтобы одному владеть мне, а чтобы обличить брата моего, который не хочет владеть вместе со мною. Вот это свидетельство: «проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе». Христу это сказано, а, следовательно, и нам, потому что мы члены Христовы. Итак, зачем еще остаешься и пребываешь в разделении, в части? Принимай все, о чем говорится здесь. Ищешь ты, где владение твое, как землевладельцы особым способом отмечают обыкновенно пределы своих владений. Но Давший тебе все концы не обозначил никаких пределов (Qui tibi dedit omnes fines, nullos dimisit, affines).

3. Выслушай далее и другое свидетельство от священных страниц. О Господе, о Христе говорится тут под образом Соломона: «Он будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли; падут пред Ним жители пустынь, и враги Его будут лизать прах. Цари Фарсиса и островов принесут Ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары; и поклонятся Ему все цари; все народы будут служить Ему» (Пс 71:8-11). Вот в то время, когда сказаны были эти слова, этому верили, а когда исполняются они, отвергают. Итак, владей со мной достоянием от моря до моря и от реки, разумеется, Иордана, где началось служение Христа,

до концов земли. Почему не хочешь? Зачем являешься врагом этому обетованию, этому богатству твоему? Из-за чего не хочешь? Из-за Доната?! Из-за Цецилиана?! Но кто был Донат? Кто был Цецилиан? Во всяком случае, они были люди; если добрые, для себя самих добрые, не для меня; если злые, также для себя самих злые. Ты же внимай Христу и ревнующему о Христе апостолу Его. «Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?» Смотри, что заставило его сказать это. «У вас, – пишет он к Коринфянам, – говорят: я Павлов; я Аполосов; я Кифин; а я Христов. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились» (1Кор 1:12-13)? Если не во имя Павла, то тем менее во имя Цецилиана, или во имя Доната. И, однако, после этих слов апостольских, после признания и распространения церкви во всем мире, еще говорят мне: не хочу оставить Доната, или какого-то Гаия, Люция, Пармениана. Тысяча имен, тысяча толков и неужели ты станешь лишать себя, следуя за тем или другим человеком, того наследства, о котором только что слышал, что оно «от моря до моря и от реки до концов земли?» Почему нет его у тебя? Потому что преклоняешься пред человеком. Но что такое человек, если не разумное животное, созданное из земли? Итак, потому ты враг себе, что чтить землю; оставь это лучше. Не, чтить землю, а возлагай надежду на Того, Кто создал небо и землю. Там надежда наша. Вот и свидетельство о том «Бог богов, Господь возглаголал и призывает землю, от восхода солнца до запада» (Пс 49:1). Не желай оставаться на земле, но туда стремись, куда призвана земля.

4. И кто может вычитать здесь все свидетельства об этом владычестве церкви, содержащиеся на священных страницах? Но почему же не обращаются они к церкви, если не потому, на что указывает сама церковь, когда говорить: «да обратятся ко мне боящиеся Тебя и знающие откровения Твои» (Пс 118:79)? Теперь это именно и видит церковь, о чем говорится в только что приведенных словах из псалма. Свежи слова эти в умах и сердцах ваших. «Я видел, говорится там, предел всякого совершенства». Что значить это: «видел предел всякого совершенства?» Какой это предел? «Широка заповедь Твоя зело» (Пс 118:96). «Конец же (по русскому тексту – цель) завещания, повторяйте за мной (слушатели повторяют – а *propulo acclamatum est*) есть любовь от чистого сердца» (1Тим 1:5). Все вы сказали это. Не напрасно, следовательно, слушаете: «конец же завещания есть любовь от чистого сердца». Конец в смысле совершенствования, а не в смысле уничтожения. Конец этот широк, потому что это есть именно заповедь Божия, о которой сказано: «широка заповедь Твоя зело». Замечай широту этой заповеди. Как широка? Ужели телесно? Широка она в сердце. Если бы и телесно широка была, слушатели благочестивые, вы не потерпели бы стеснения. Но широка она в сердце. Замечай, где широка, если можешь замечать, и выслушай затем от апостола о том, как широка заповедь любви. «Любовь Божия излилась в сердца наши» (Рим 5:5). Не сказал заключена, но излилась (*non dixit: inclusa, sed diffusa*). Слово «заключена» указывает как бы на тесноту. А слово «излилась» – как бы на просторе. Итак, «широка заповедь Твоя зело». Именем Господа и Бога нашего свидетельствуем, что ради самой этой широты и приглашаем братьев наших во владычество мира. Хотите быть епископами, будьте с нами. Не хочет народ двух епископов, будьте братьями в наследии нашем. Не будем из-за почестей наших препятствовать миру Христову. Какую честь получим мы в том небесном мире, если теперь в земных распрях будем защищать только честь нашу? Пусть уничтожится преграда заблуждения, и мы будем вместе. Признай меня братом; я признаю тебя братом, но с уничтожением разделения, с устранением заблуждения и распрей. Пусть все это будет исправлено, и ты мой. Или не хочешь быть моим? Но я, если ты исправись, хочу быть твоим. Итак, с устранением заблуждения, как бы некоторой стеной, преграждающей и разделяющей, будь моим братом, и я буду твоим, чтобы вместе обоим принадлежать нам Тому, Кто есть и твой и мой Господь.

5. Говорим мы это с любовью к миру, с убеждением в истине. Мы уже писали, и вы читали об этом намерении нашем⁸, что мы совсем не уклоняемся от вынесения дела на общее обсуждение, а, напротив, настаиваем на том, чтобы, как только докажу я права владения, тотчас же вместе с противником вступить нам и в наследие. Пусть выступает собеседник бестрепетно, спокойно, пусть выступает искусный (*doctus*). Не хочу я наперед действовать авторитетом (*nolo auctoritate praejudicare*). Обратим взор свой к Тому, Кто не может ошибиться. Он пусть укажет нам, что есть Церковь. Слышали вы свидетельства Его. Не оскверняет людское нечестие той, которой не делает чистой и людская праведность. Однако, мы не опасаемся и за дела людей, коих обвинили донатисты и не могли уличить. Мы знаем, что они чисты. Из дела видим, что чисты. Если бы они не были чисты, я не старался бы обратить этих дел в пользу церкви – (*non in causa eorum Ecclesiam constituerem*), не строил бы на песке, отделил бы их от камня. «На семь камней, – сказал Господь, – Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Камень этот – Христос. «Разве Павел распялся за вас?» – вот эти слова помните, это держите, это братски и любовно говорите.

6. В место же, где будет происходить собеседование, пусть никто насильно не вторгается из вас, братия мои. Вообще, если можно, избегайте даже и проходить около того места, чтобы не дать какого-либо толчка к спору, или распре, чтобы не представился для того какой-нибудь предлог, и чтобы не нашли здесь повода к распре те, которые ищут повода. А кто не боится Бога, или не обращает внимания на наши просьбы, пусть убоится, по крайней мере, угроз со стороны гражданской власти. Читали вы публично выставленное распоряжение сановного мужа⁹. Издано оно не для вас, разумеется, боящихся Бога и не пренебрегающих наставлениями епископов ваших, но для того, чтобы кто-нибудь не забылся и не пренебрег этим. Пусть же каждый наблюдает за собой, чтобы не случилось с ним того, что говорит апостол: «противящийся власти, противится Божию установлению... Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим 13:2-3). Будем избегать раздоров и всяких поводов к раздору. Но, может быть, вы скажете: мы постараемся быть внимательны к себе, и чем помешаем вам? Но партия православных, к счастью, достаточна сильная (*partes forte uberes pietatis*). Мы будем рассуждать за вас, а вы молитесь за нас, при этом поддерживайте свои молитвы, как мы и раньше увещевали вас о том, постом и милостыней. Прибавьте к ним (молитвам), крылья, коими поднимаются они к Богу. Так поступая, будете, быть может, вы даже более полезны нам, чем мы вам. Ведь, никто из нас в этом предстоящем собеседовании¹⁰ не надеется на свои силы. На Бога вся надежда наша. Не лучше же мы апостола, который просит молиться за него. «Молитесь, – говорит он, – о мне, дабы мне дано было слово» (Еф 6:19). Итак, просите за нас Того, в Ком мы полагаем надежду нашу, чтобы и вам порадоваться о беседе нашей. Помните это, братия, умоляем вас. Именем Самого Господа, Виновника, Насадителя и Покровителя мира, просим, чтобы вы молились Ему в мире, мирно просили Его. Помните, что вы – дети Того, Кто сказал «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9).

⁸ См. Epist 128 и 129. August. Opera omn. tom II.

⁹ Марцеллина, представителя на соборе императора Гонория.

¹⁰ Т.е. в собеседовании с донатистами.

О единении между братьями и любви между ближними (Сир. 25, 2). (О вражде и мире с донатистами – (*De lite et concordia cum donatistis*))

1. Первое чтение Божественных слов из книги, которая называется «Проповедник» (Ecclesiasticus)¹¹, указывает три некоторые достойные внимания превосходства: любовь между братьями, любовь между ближними и мужа и жену, в согласии живущих. Блага эти, конечно, приятны и похвальны и в человеческих делах, но гораздо более похвальны они в делах Божественных. Потому что кто не радуется согласию между братьями? Но о том нужно скорбеть, что это столь великое качество редко наблюдается у людей. Все его хвалят, но весьма немногие обладают им. Счастливы, которые в себе самих имеют то, что вынуждаются хвалить даже в других. Все хвалят в согласии живущих братьев. Да и почему трудно жить братьям в согласии? Потому что препираются о земле и хотят быть землею. Еще от начала сказано было человеку – грешнику: «прах ты, и в прах возвратишься» (Быт 3:19). Отсюда же мы можем заключить и о словах, которые должен услышать праведник. Если справедливо грешнику сказано: «прах ты и в прах возвратишься», – то справедливо и праведнику говорится: «небо ты и на небо возвратишься. И разве праведники не суть небеса, когда об апостолах весьма ясно сказано: «небеса проповедуют славу Божию?» А что именно о них сказано здесь, в этом убеждают достаточно нас последующие слова: «и о делах рук Его возвещает твердь». Кого назвал псалмопевец небесами, тех назвал и твердь. «День дню передает речь, ночь ночи открывает знание. Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их». Чей голос? Конечно, голос небес. Следовательно, это сказано об апостолах, сказано о провозвестниках истины. Отсюда понятно и дальнейшее: «по всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их» (Пс 18:2-5). «Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их» – (ст. 4). Когда сошел на апостолов Дух Святой, я Бог стал обитать в небе, которое создал из земли, они, по действию Духа Святого, стали говорить языками всех народов. Поэтому сказано: «нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их». И так как после того они досланы были для проповеди Евангелия ко всем народам, то «по всей земле проходит звук и до пределов вселенной слова их». Чьи слова? Слова небес, о коих справедливо можно сказать: «небеса вы и на небеса возвратитесь», – как справедливо говорится и грешнику: «прах ты и в прах возвратишься».

2. Итак, если братия желают быть в согласии между собой, пусть не привязываются к земле. И если не хотят привязываться к земле, пусть не уподобляются ей. Пусть ищут владения, которого нельзя разделить, и тогда будут в согласии между собой. Откуда между братьями раздоры? Откуда ослабление благочестия? Откуда одно чрево, а не один дух, если не от того, что в то время, как душа их портится, всякий заботится о своей части, старается об увеличении и умножении своей доли и хочет один имуществом владеть, если у кого начинается разделение с братом? Чье это столь хорошее владение? – спрашивают иногда, Наше, – отвечают другие. Какое прекрасное владение! Но все ли оно твое, брат? Нет, есть у меня товарищ; быть может, Бог даст, он продаст мне часть свою. Дай, Бог! – отвечает на это льстец. Но чего дай, Бог!? Чтобы один человек оказался в стесненном положении и продал свою часть другому. Но пусть сделает это Бог, пусть сделает для тебя. «Ибо нечестивый хвалится похотью души своей; корыстолюбец ублажает себя» (Пс 9:24). Однако, что может быть хуже того, когда один обогащается на счет бедности другого? И все-таки часто встречается это. Спокойным чувствует себя корыстолюбец. Может быть, он употребил насилие; может быть стеснил другого и вынудил у него; может быть, мучил и вымучил и не у кого-нибудь, а у своего брата. Лучше, говоришь ты, все же мне купить, чем стороннему. – Но подвергшийся стеснению, если он благочестив, имеет утешение. Пусть утешается словами Писания, которые только что слышали вы. Пусть он терпит нужду, а брат его имеет обилие

¹¹ Так называется здесь книга Прем. Иисуса, Сына Сирахова.

во всем. Но последний избилует прахом, будучи чужд праведности. Помни же то, что говорится бедному: «не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается, ибо, умирая, не возьмет ничего» (Пс 48:17,18). Старайся, бедняк, приобретать то, что не теряешь, умирая, и что обретишь, живя в вечности. Старайся иметь праведность и не раскаешься. О том ли печалишься ты, что остаешься бедным здесь, на земле? Но бедным быть здесь и Тот, Кто создал землю. Утешает тебя Господь Бог твой, утешает Творец твой, утешает твой Искупитель. Доставляет тебе утешение не алчущий брат твой, потому что Господь благоволил быть братом нашим. Один Он только и есть самый надежный Брат наш, с Коим следует быть нам в согласии. Назвал я Его неалчущим. Но, может быть, и Его найду алчущим. Алкает Он, правда, но нас хочет иметь, нас хочет обрести. За нас уплатил Он великую цену – Себя Самого. К этой цене нельзя прибавить ничего. Отдал Он Себя Самого и сделался Искупителем нашим. И не так отдал Себя ценою за нас, чтобы враг, освободив нас, владел вместо этого Им Самим. Отдал Он Себя смерти, убивая смерть. Смертью Своею именно Он убил смерть. Сам не будучи уничтожен ею, и, уничтожив смерть, избавил нас от смерти. Живет смерть, когда мы умираем; умрет она, когда мы оживем, когда ей будет сказано: «Смерть! Где твое жало» (1Кор 15:55)?

3. И вот к этому-то Брату нашему обратился некто против брата своего, с коим не было у него согласия, и сказал: «Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство» (Лк 12:13). Все отнял он, не хочет уступить мне даже и части, не слушает меня, пусть послушает Тебя. Но что до этого Господу? Что говорим обыкновенно мы, находясь в этой жизни, будучи сами земными, по земле пресмыкающимися, помышляя о земном, не желая кого-либо опечалить, – говорим мы причиняя тем по большей части еще большую печаль? Пойди, брат, и отдай брату своему часть его. Но не это сказал Господь. А что правдивее Его? Кто найдет такого судью, к которому бы можно было обратиться против алчности брата своего? И разве не радовался человек тот, что нашел великое утешение? Великой помощи, без сомнения, ждал он, взывая к столь великому Судии: «Господи! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство». Что же Он ответил ему? «Кто поставил Меня судить или делить вас?» Отклонил Господь просьбу, не исполнил того, чего просил у Него, не оказал желательной для него помощи. Что было особенного там? Что терял Он (Господь) от того? И каким трудом было бы для Него оказать это благодеяние? Однако же, Господь не оказал его. Где же то, о чем Сам Он говорит: «всякому просящему у тебя давай» (Лк 6:30). Не сделал этого однако же Сам Тот, Кто дал нам пример жизни. Как же мы будем делать то? Или как будем давать, когда несем некоторый расход, если не оказываем благодеяния там, где нет никакого расхода, где ничего мы не платим, ничего не теряем? Не исполнил Господь той просьбы и однако Он не ничего не сделал. В меньшем отказал Он и большее дал. Сказал Он ясно: «всякому просящему у тебя давай». Что же, если кто-нибудь станет просить у тебя, не говорю того, что не полезно давать, но что преступно давать? Что, если какой-либо мужчина станет искать того, чего искали лжесвидетели от Сусанны? Что, если какая-либо женщина станет просить, чего женщина просила у Иосифа? Нужно ли следовать и здесь этому повелению, как руководственному: «всякому, просящему у тебя давай?» Да не будет этого. Станешь ли ты поступать в этом случае вопреки заповеди Божией? Скорее будем исполнять мы заповедь Господа в том, случае, когда просящему злого не будем давать; при этом, мы не нарушаем и повеления того, потому что сказано: все просящему у тебя давай, но: «всякому просящему у тебя давай?». Не сказано: все просящему у тебя, давай, но: «всякому, просящему у тебя давай?», давай вообще; давай хотя бы и не то, что просил он. Просит дурного, ты давай доброе. Так поступил Иосиф. Не дал он того, чего просила бесстыдная жена, и дал то, что она должна была выслушать, чтобы не быть бесстыдной. Не пал он в яму похоти и другому человеку дал совет целомудрия. «Да не будет, – отвечал он, – чтобы я сделал это для господина моего, и чтобы осквернил ложе того, кто все вверил мне в доме своем» (Быт 39). Если раб за деньги купленный, оказал такую верность господину своему, то какую же верность должна оказывать жена в отношении к

мужу? В этом именно и состояло наставление Иосифа: я, как бы говорит он, раб, не сделаю этого господину моему, а ты ли, жена, сделаешь это пред мужем своим?! Дала и Сусанна просящим, и она не оставила без наставления лжесвидетелей, если бы они пожелали только принять данный им совет целомудрия. Не только не согласилась она, но и не умолчала о том, почему не согласилась. Если соглашусь с вами, рассуждала она, то согрешу пред Богом. Если не соглашусь, не избегну рук ваших. Но лучше впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Богом (Дан 13). Что же, – лучше ли впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Богом? Грешите пред Богом и вы (Deo peristis), желая совершить насилие надо мной. – Вот это правило имейте, братья, всегда перед собой. Давайте, когда просят у вас, хотя бы и не то, что просят. Так поступил Господь. Просил человек тот о чем? О разделении наследства. Дал Господь, но что дал? Осуждение страсти. О чем просил и что получил? «Скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство». Господь же сказал: «кто поставил Меня судить или делить вас?.. Смотрите, берегитесь любостяжания». И скажу, почему так. Быть может, просишь ты половину наследства для того, чтобы быть богатым. «У одного богатого человека был хороший урожай». Великий успех ожидался. Много хлеба было на поле. И он рассуждал сам с собою: «что мне делать? некуда мне собрать плодов своих». И тщательно обдумав, сказал «вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие и соберу туда весь хлеб мой». Большие сделаю житницы, чем старые были. «И скажу душе моей: душа! много добра у тебя... «ешь... веселись». И говорит ему Бог: «безумный ты, который кажешься себе столь благоразумным! Знаешь ты, как сломать старые житницы и построить новые, а сам остаешься развалиной, ты, коему следовало уничтожить ветхое в себе самом и уже не мыслить о земном. Безумный! что сказал ты и кому сказал? душе своей сказал веселись, много добра у тебя. Но в эту же ночь возьмут у тебя душу твою, коей ты обещал все это. «Кому же достанется, что ты заготовил» (Лк 11:13-20)? Итак, не бойся, когда богатеет человек... ибо, умирая, не возьмет ничего» (Пс 48:17-18).

4. Вот какое наставление преподал Господь несогласным братьям, чтобы вследствие этого были они в согласии между собой, чтобы старались освободиться от любостяжания и исполнялись истиной. Будем же заботиться о таком наследии. Но сколь долго еще говорить нам об этом согласии между земными братьями, которое бывает так редко, так непрочно, так трудно достижимо? Скажем о том согласии, которое только должно быть и может быть истинным согласием. Братьями нам пусть будут все христиане, все верующие, рожденные от Бога и из чрева Матери – Церкви через Духа Святого; пусть они будут братьями, пусть владеют наследством, раздаваемым и не разделяемым. Наследство это есть Сам Бог, Коего наследием сами они являются, и Он взаимно является их наследием. Каким образом они являются Его наследием? «Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе» (Пс 11:8), и еще: «Господь есть часть наследия моего и чаши моей» (Пс 15:5). В этом наследии соблюдается согласие, о нем не препираются. Иное наследство приобретается тяжбою; это наследство вследствие тяжбы теряется. Поэтому и люди, не желающие лишиться его, стараются избегать распри. И когда кажется, быть может, что они во вражде, однако же, не враждуют. Но, может быть, кажется иногда, что они враждуют или думают о них, что враждуют, когда хотят выразить попечение о братьях. Видите, как участлива тяжба, их, как мирна, как доброжелательна, как справедлива, как достойна уважения. Вот, и мы, кажется, что препираемся с донатистами, но не враждуем. Тот враждует, кто зла желает противнику своему. Тот ссорится, кто хочет, чтобы противник его потерпел какой-либо вред, а себе ищет выгоды, старается у того отнять, а себе взять. Не так поступаем мы. Это известно вам, известно вам, препирающимся, известно и вам, оставившим разделение. Знаете вы, что эта тяжба не есть тяжба .зложелательная, что она не направляется ко вреду противника, а скорее – к его выгоде. Хотели мы лишь тех, с кем казались тяжущимися или теперь еще кажемся, привлечь к общению с нами, а не заставляя их искать нас самих. И слова у нас другие, а не те, которые слышались из уст человека, обращавшегося к Христу, когда Он был на земле, с просьбой о разделении имущества с братом. Мы также обращаемся с просьбой к Нему,

пребывающему на небе, но не говорим «скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство», а наоборот «скажи брату моему, чтобы он владел со мною наследством».

5. Что мы хотим этого, о том говорят и открытые дела наши. Что этого хотели мы, возвещают о том не только наши слова, но и наши, предназначенные для них (донатистов) сочинения (*litterae*). Нравится вам епископствование? Владейте им с нами. Ничего мы в вас не ненавидим, ничего не бесчестим, ничего не оскверняем, ничего не анафематствуем, кроме заблуждения человеческого. Отвергаем заблуждение людское, не божественную истину. Что имеете вы от Бога, это мы признаем, а что своего имеете непохвального, это мы исправляем. Знак Господа моего, печать моего Повелителя, черты Царя моего узнаю я и в том, кто покидает меня. Ищу, нахожу, стараюсь приблизить, подхожу, беру, веду, исправляю беглеца, по не искажаю его образа. Если кто думает усмотреть и найти такого, это не значит враждовать, а – любить. Мы уже говорили, что можно в одной церкви ради мира сохранить согласие между братьями. Великое это дело – согласие между братьями. Пусть не может быть двух епископов. Но мы сказали уже, чтобы вместе восседали они в базилике: один на кафедре, другой, как пришлец. Тот на кафедре христианской, этот – на другой (*haeretica*), но чтобы сидел возле, как товарищ его. Так же точно тот пусть председательствует в своем собрании, а этот – в своем. Мы говорим далее, что покаяние во отпущение грехов проповедано апостолами всем народам, начиная от Иерусалима. Что же ответите вы той церкви, которая основана апостолами среди всех народов, начиная от Иерусалима? Мы говорили далее: предположим, что Цецилиан совершил дурное дело. Но неужели один человек, поступающий дурно, или два, или пять, или десять могут чернить столько тысяч верующих, в несметном количестве живущих по всему лицу земли? Говорили мы также: поверил Авраам, и обещаны были ему все племена. Согрешил Цецилиан, и неужели погибли все народы, так что следовательно сделанное нечестием оказалось большим в сравнении с тем, что обещано истинно? Сказано было это и читано (*leguntur*). Против таких заимствованных из божественных книг примеров и свидетельств, указывающих на церковь, распространенную по всему кругу земли, единство какой церкви именем Господа содержим мы, они (донатисты) решительно ничего не могли ответить.

6. Итак, дело церкви признано правым, утвержденным, упроченным и укрепленным как бы на каменном фундаменте, коего и врата ада не могут одолеть. Далее, мы перешли к делу Цецилиана, уже спокойные за него, что бы он ни сделал. Потому что возможно ли, чтобы, пусть он даже, как человек, окажется виновным в чем-нибудь, из-за вины одного человека мы подверглись осуждению или были перекрещены? И мы сказали: дело церкви правое, и грех Цецилиана нисколько не вредит ей. Ни праведность Цецилиана не делает церковь более славной, ни преступление его не делает ее достойной порицания. Но посмотрим, каково и самое дело его. Мы захотели наследовать беспристрастно, как дело брата, а не как дело отца или матери. Отец наш – Бог; мать наша – церковь. Цецилиан же был и есть брат наш. Если добрый, то добрый брат; если дурной брат, но все-таки брат. Если найдем мы его невинным, то где будете вы, явившиеся бессильными и в самой клевете человеческой? Если же окажется виновным, подлежащим суду, то и в этом случае мы не так уж много теряем, потому что сохраняем единство церкви, которая непобедима. Пусть окажется вовсе виновным, человека я буду анафематствовать, а церкви Христовой не покину. Так и поступим мы. Кроме того, мы не будем считать его принадлежащим к клиру, среди епископов, которых считаем верными и невинными. Так мы и сделаем. Неужели же из-за Цецилиана вы всех будете перекрещивать? Когда все это было высказано и признано, начало выясняться и дело Цецилиана. Он оказался невинным, оказался оклеветанным. Один раз осужден он заочно и трижды оправдан. Осужден партией, оправдан со стороны церковной истины. Прочитано все это было и одобрено. Затем спрашивали, не имеет ли кто возразить против того. После этого исчерпаны были всякие средства клеветы и, когда уже ничего не могли представить они против очевидных доказательств и против невинности

Цецилиана, произнесен был суд над ними. И все-таки говорят они: мы победили. Пусть побеждают, но себя, так, чтобы быть во владении Христовом. Пусть побеждает их Тот, Кто искупил их.

7. И все-таки мы за многих радуемся. Многие из них спасительно признали себя побежденными, потому что не были побеждены. Побеждено заблуждение человеческое, человек же остался целым. Ведь, врач не спорит с больным. И если больной имеет дело с врачом, болезнь побеждается, и больному выздоравливает. О том старается врач, чтобы победить; этого же хочет и болезнь, – чтобы победить. Если победит врач, больному выздоравливает; если побеждает болезнь, больному умирает. Так и в нашем состязании боролся врач за спасение больного, а больному ратовал за болезнь. Кто обратил внимание на совет врача, тот победил, одолел болезнь. Видим мы их здоровыми и радующимися с нами в церкви. Поносили нас они прежде, так как не считали нас за братьев. Болезнь затемняла мысль их. Мы же любим их и в то время, когда они поносят нас и ожесточаются, и старались служить злобствующим против нас больным. Спротивлялись мы, спорили и, как бы, ссорились, и, однако любили. Докучливо неприятны все старающееся служить таким больным, но неприятны во спасение.

8. Приходится также встречать иногда людей, лениво говорящих правда это, владыка (domine), правда. Нечего возразить. Но отец мой умер там, (т.е. в общине донатистов), мать моя там погребена. Вот, на мертвого указываешь ты и на погребенного. Но ты, ведь, жив еще и есть с кем поговорить тебе. Родители твои были христиане из партии Доната; их родители, быть может, тоже были христианами, а деды или прадеды были, конечно, язычниками. И вот, первые, сделавшиеся христианами, разве были равнодушны к истине, когда оставили родителей своих – язычников? Разве следовали они авторитету умерших родителей и не предпочитали умершим родителям живого Христа? Итак, если здесь истинное единство, вне коего ты неизбежно подвергаешься вечной смерти, то почему хочешь ты следовать мертвым родителям твоим, мертвым для тебя и для Бога? Что скажешь? – отвечай. – Правду говоришь ты, нечего сказать тебе. Но что же делать? И вот вялость какая-то овладевает такими людьми. Одержимы они, как бы, летаргией, страдают неприятной болезнью, готовые умереть в своем сне. Другие оказываются, наоборот, слишком изуверны (phrenetici) и опасны (molesti). Одержимый сонною болезнью, хотя ему и угрожаешь смерть, не бывает, однако, опасен для того, кто служить ему. Изуверы же опасны; потеряв здравый смысл, они, бешеные и неистовые, всюду ходят с оружием, ища, кого бы убить, кого бы ослепить. Мы услышали, что одному пресвитеру вашему они вырезали язык. Таковы изуверы. Но нужно испытывать свою любовь, и их должно любить. Многие из них, будучи вразумлены, проливали слезы. Многие исправились. Мы знаем, к нам приходили такие из числа самых неистовых. Ежедневно оплакивали они свое прошлое, не могут сдержать слез, смотря на ярость тех, которые, не пришедши в себя от угара безумия, продолжают еще свирепствовать. Итак, как же поступать нам? Любовь заставляет помогать и таким. Хотя и неприятны мы для тех и других, пробуждая охваченного сонною болезнью и сдерживая безумца, однако, мы любим обоих.

9. Впрочем, хотя доброе дело – согласие братьев между собой, но смотрите где: во Христе, у христиан. Также и любовь между ближними. Что же, если кто-нибудь не является еще братом для тебя во Христе? Однако, он – человек и твой ближний. Люби поэтому и его, чтобы и его приобрести. Таким образом, живя в согласии с братом-христианином, ты должен любить и ближнего, с коим у тебя еще нет согласия, потому что он еще не является братом твоим во Христа, потому что еще не возрожден во Христе, еще не познал тайн Христовых; пусть он язычник пока, пусть иудей, все же ближний твой, потому что человек. Если любишь и его, то ты достигаешь этим самым другой любви и в тебе уже два дара: согласие между братьями и любовь к ближним. Из всех таких, живущих в единомыслии с братьями и

любящих ближнего, и состоит церковь, обрученная Христу, покорная мужу, чтобы получилось и третье, о чем говорится в Писании (Сир 25:2), именно: «жена и муж, согласно живущие между собою». Поэтому убеждаем любовь вашу и увещеваем вас в Господе, презирайте настоящее, братия мои, чего вы, умирая, не можете взять с собою. Берегитесь греха, остерегайтесь неправды, избегайте нечистых страстей. Тогда будет и плод наш невредим в нас и полная радостей награда наша у Господа.

Ведь, если и говорим мы вам, что должно говорить, если и проповедуем, что должно проповедовать, и стараемся быть чистыми пред лицом Божиим, не умалчивая о том, чего боимся, не умалчивая о том, чего любим; так – чтобы, если на кого придет меч наказания Божия, не нашел он, что поставить в вину руководителю, однако, не хотим мы награды себе без вас, но только с вами. Ведь, и апостол Павел был уверен в своей награде, и, однако, что говорить? «Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» (1Фес 3:8). Говорю я вам и любви вашей по повелению Господа, отцы и братия. Говорю за брата моего епископа вашего, радостью для коего должны быть вы, если будете повиноваться Господу Богу нашему.

Вот во имя Господа старанием его сделана вам эта церковь на благочестивые, щедрые, благоговейные приношения верующих братьев. Сделана для вас эта церковь, но сами вы составляете еще большую церковь (*sed vos magis estis Ecclesia*). Сделана вам церковь, куда входят тела ваши; но мысли ваши должны быть обращены туда, куда входит Бог. Вы почтили епископа вашего, пожелав назвать базилику эту Флорентией¹²); но вы – слава (*florentia*) его; так и апостол говорит к Филиппийцам, что они радость и венец его в Господе (Фил 4:1). Все, что ни случается в этом мире, исчезает, переходит. Что жизнь настоящая, как не то, что сказал псалмопевец «как трава, которая утром цветет, вечером подсекается и засыхает» (Пс 89:6)? Такова всякая плоть. Потому и Христос явился, потому и новая жизнь, потому надежда вечная, потому утешение бессмертия обещано нам и в плоти Христа уже показано. От нас принята плоть Христова, которая уже бессмертна, и нам указал Он то, что в Себе исполнил. Для нас Он принял тело. Ведь, для Себя «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1:1). Ищи здесь плоти и крови: где она в Слове? Но так как истинно захотел сострадать нам и избавить нас, принял на Себя образ раба и сошел сюда Тот, Кто был здесь, чтобы явился Тот, Кого не было. Захотел стать человеком создавший человека, родиться от матери создавший мать. Восшел Он даже на крест, умер и показал нам то, что и мы знали: рождение и смерть. В Себе пережил Он эти исконные, обычные для нас явления. Рождение и смерть мы знали, воскресения и жизни вечной не знали. Первые два: рождение и смерть Он смиренно принял на Себя, другие два великие и новые явления показал Он, будучи прославлен. Воскрес Он плотью, вознеся, воссел «одесную Отца». Главою нашею благоволил быть Он и молился за Свои члены, потому что, когда был здесь, говорил «Отче!.. хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Ин 27:24). Будем ожидать того же и для плоти нашей: воскресения, прославления, нетления, бессмертия, вечного покоя. Будем стараться, чтобы и достигнуть этого. То будет слава (*florentia*), истинная слава.

¹² По имени епископа Флорентия, служившего, как полагают, в Иппоне Диарритском.